

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Романо Гуардини

О Боге Живом

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

А-3
Г-93

Романо Гуардини

О Боге Живом

Издательство « Жизнь с Богом »
206, Avenue de la Couronne
BRUXELLES 5
БРЮССЕЛЬ
1962

ПЕРЕВОД КНЯЗЯ С. С. ОБОЛЕНСКОГО

С разрешения церковных властей.

В НАПУТСТВИЕ

Каждая из нижепечатующихся бесед представляет собою действительно произнесенную живую речь. Все они возникли не за письменным столом, а родились из серьезности и радости того взаимоотношения, которое существует между священнослужителем, говорящим как таковой, и доверяющей ему общиной.

Вряд ли существует что-либо прекраснее такого внутреннего единения и его глубоко жизненной чуткости. Тем более оправдан вопрос: да можно ли вообще перенести на бумагу то, что при этом говорится? Не разрушается ли тогда неминуемо самая живая суть? Вот почему только тот оценит вполне эти беседы, кто захочет и сумеет оторвать их от бумаги и, подняв их на более высокий уровень, снова превратить их в живое слово, — слово, обращенное лично к нему, так, что подразумевается именно он. Но не только к нему одному, — иначе ему нередко приходилось бы при таких обращениях к общине задаваться вопросом: а меня чем же касается то или другое? Наоборот, следует помнить, что слово обращено ко многим, в стремлении дать им нечто, пригодное на пользу каждому, — одно одному, другое другому. Если что либо останется чуждым одному, то пусть он сознает, что это сказано для другого, пусть признает ценность сказанного, как таковую, и спокойно даст ей остояться.

Не всегда легко так поступать. Мы привыкли к бумаге и к холодным знакам, служащим лишь передаточными средствами. Мы привыкли поглощать чередующиеся мимолетные мысли и образы, безличные и приходящие к нам как попало. Уже требуется особое усилие, чтобы не написанную, а произнесенную речь воспринимать как таковую и превратиться из

читателя в слушателя. Надо уметь выбрать час, когда речь может дойти. Надо уметь сосредоточиться, внутренне замолкнуть и раскрыться. Надо стараться внимательно улавливать отдельное слово, но так, чтобы оно при этом не костенело. Слову надо предоставить пространство, в котором оно могло бы двигаться с легкостью, и свободу снова отойти. Потому что все живое тогда только становится вполне законченным, когда, завершив свое последнее движение последнею четкой чертой, оно с заднего плана определяет все предыдущее... Таким образом, живое слово должно иметь возможность все время заново определять себя следующим за ним словом и целым рядом последующих слов, в общей связи момента, выражения лиц слушателей и всего развития духовного движения; и вступительные слова действительно произнесенной речи получают свою окончательную отливку только благодаря тем словам, которые всю речь завершают.

Это всегда необходимо, но в особенности тогда, когда речь идет о таком предмете, как в этом сборнике. Здесь речь идет о Боге Живом. Это значит: не о том, что в учении о Боге можно выразить путем простого изложения. Это сюда тоже входит, конечно, поскольку это служит фундаментом и дает всему, что говорится о Боге, спокойную близость к рассудку и к действительности. Но по своему особому замыслу эти беседы направлены на нечто совершенно иное: именно на то, что Бог есть Бог Живой; на то, что витает между понятиями, что „превосходит всякое понимание” и все же удивительно близко нам; то, что не укладывается в определенность какой бы то ни было мысли и все же, при условии подлинного продумывания, отчетливо овеивает любую мысль... Не отрицание понятия, но больше чем понятие: глубже, выше, или более задушевно, — можно стараться и еще как нибудь выразить это большее... И тут особенно важно, чтобы читатель превратил себя в слушателя. Его дело — дать слову движение и свободу, позволить уже произнесенному слову вновь определять себя в дальнейшем развитии речи. Позволить фразе, которая в отдельности бессильна перед „превосходящей всякое понимание” тайной Бога Живого, противопоставить себя другим фразам, во взаимодействии, вопрошании, сомнении, даже в противоречии (часто другой возможности нет), чтобы привести мысль в то движение, которое поднимает ее над ограниченностью одних только понятий. Если же та или другая беседа в свою очередь укладывается в более широкое целое, то

слушателю следует признать за эту отдельную речь право охватить одну особую сторону предмета, с одной особой точки зрения, раскрыть эту одну определенную сторону, выделить ее, подчеркнуть, хоть бы даже с чрезмерною силою, осветить ее, хоть бы даже с чрезмерною яркостью, — и пусть тогда слушатель ожидает от другой речи противопоставления к этой, дополнения и выправления. Настоящий слушатель должен даже некоторую кажущуюся ошибочность поставить в достоинство такой речи. Если он тогда не сразу „судит”, а остается открытым и ждет, направив свое внимание на всю совокупность, то в дальнейшем может быть именно в том, что сначала показалось ему неправильным, ему откроется важнейшая особенность.

Может показаться, что несколько собранных вместе речей не заслуживают стольких рассуждений. Но у того, кто их произносил, они не с легкостью текли из сердца; пусть же к нему отнесутся снисходительно, если он слегка заботится о том, чтобы они дошли до своего назначения.

ЛИК БОЖИИ

Расскажем ребенку то, что стоит в первой книге Библии : как Бог насадил райский сад и поручил его человеку, для ухода за ним, — как однажды под вечер, при „прохладном ветре”, Бог гулял по саду и позвал Адама, а тот Ему ответил „Я здесь”, — и все прочее, что стоит в той же книге. Ребенку все это понятно. Почему было бы Богу не прогуливаться по саду, Им Самим созданному и такому прекрасному ? Почему было бы Ему не позвать Адама и почему бы Адам Ему не ответил ? У ребенка все это ясно и просто укладывается в привычный ему мир.

Потом проходят годы, человек перестает быть ребенком и перестает быть подростком. Его начинают волновать религиозные вопросы, может быть даже ему приходится в упорной борьбе заново воссоздавать свою веру. Если придти к такому человеку и рассказать ему ту же историю, в том виде, в каком она стоит в книге Бытия, то он, по всей вероятности, не будет знать, что ему с ней делать. Он ее может быть даже отвергнет : Бог же не такой ! Во всяком случае это — разговор для детей, а не серьезное и настоящее выражение того, что есть Бог.

И еще проходит время. Тот же человек, о котором мы говорим, вступил в жизнь, принял на себя ответственность перед своим делом и перед другими людьми, он жил и трудился головою, руками и сердцем. И вот опять расскажут ему все ту же историю, которую, впрочем, можно было бы заменить и многими другими : о том, как люди строили башню, а Бог спустился с неба, посмотреть, что они делают; или о том, как мерзость распространилась по земле и Бог стал жалеть, что создал человека, и многое другое в этом роде. Расскажут ему все это и спросят : „Понимаешь ты это ? Может это быть ? Это — правда ?” Такой человек может быть задумается и скажет, притом с полным сознанием, что говорит нечто очень важное : „ Да, это так !”.

В промежутке что то произошло. От ребенка до юноши и от юноши до более пожилого человека развернулась история.

Когда мы мыслим о религиозной реальности, наши мысли не представляют собою нечто готовое, как отчеканенные монеты, которые всегда остаются такими, какими их сделали, и могут только переходить из рук в руки; наши мысли живут. А жизнь означает рост. Знакомство с религиозной реальностью проникает в душу как живое семя, через разговоры родителей, через преподавание Закона Божия, через все то, чему учит Церковь, или еще каким-либо иным способом. Отныне это семя живет в сознании слушавшего, прорастает и развивается. Как полагается прорастающему семени, оно всасывает питательные вещества — из внутренней и внешней жизни, из образов, воспринимаемых человеком, из опытов, им переживаемых. Из всего этого складывается живой образ той святой реальности. Но материалы, питательные вещества, которые этому служат, меняются, потому что меняется жизнь, из которой они берутся. Поэтому неизменная основная сущность религиозной реальности вновь и вновь воссоздается из новых живых веществ в новой форме и в новом выражении. И это — совершенно изумительное явление.

Сейчас мы говорили о сердцевине этого явления — о том, как человек мыслит Бога. Бог есть Тот, Который есть вечно. Его реальность одна и неизменна. Но в том, как человек улавливает эту реальность, как он мыслит образ Бога, — в этом и свершается история глубинной жизни.

Для ребенка Бог это — „Боженка”. Он Его встречал, как высшее из всего существующего, в своей повседневной жизни, в тиши своего сердца, и встречал Его может быть чище и глубже, чем взрослые. Каждый раз, когда ребенок слышит и сам говорит о Боге, когда, создавая внутреннюю ткань своих мыслей, он составляет для себя образ Бога, он пользуется для этого теми материалами, которые в его представлении стоят высоко, и едва ли не чаще всего он их находит у своих родителей. Бог на небе самый могущественный и внушающий больше всего уважения. Он управляет миром, как отец управляет своими профессиональными орудиями. Весь мир окружающий ребенка, — живой. В нем перемешаны внутреннее и внешнее, вещи и души, действительность и сказка. Этот мир создан Богом и Ему принадлежит. В нем Он царствует и делает, что хочет, как отец со своей работой, как мать со своим домашним хозяйством, — а может быть даже немножко вроде того, как сам ребенок обращается со своими игрушками и с порождениями своей детской

творческой фантазии. Когда ребенку рассказывают, как Бог поступил с первыми людьми, как бранил их за непослушание и прогнал из рая, как Он потом печалился видя окаянную жизнь людей на земле, как ужасно Он их наказал, а затем Сам в этом раскаялся, как Он решил, подумав о человеческой слабости, больше не наказывать их так беспощадно и в знак Своего милосердия поставил среди облаков радугу, — ребенку все это понятно, так же, как и многое, подобное этому, что стоит на страницах Священного Писания. И ребенок понимает это правильно и глубоко, в настоящем божественном смысле.

А потом начинается великое превращение. Детский мир разрушается. Молодая жизнь начинает мощно себя проявлять. Потребность жить подымается и ширится. Появляется ощущение бесконечности. Одновременно пробуждается критическое отношение к тем образам, среди которых прежде протекала детская жизнь, они теперь кажутся ребячливыми, узкими... Непосредственные связи прежнего мира исчезли. Прежде все было одно в другом, — этого больше нет. Молодой человек со своей внутренней жизнью противостоит внешнему миру и ищет уверенности в самом себе, стремится получить опору внутри и больше простора вокруг себя. Это тоже проявляется в критике, которая оказывается тем более раздраженной, чем менее молодое существо уверено в себе... Молодой человек ощущает духовное, с его достоинством и со своей собственной ответственностью за него. В том, что он ощущает духовное и страстно переживает его безусловность, как раз и лежит та точка, в которой он чувствует и утверждает свою особенность. И с тем большей нетерпимостью он восстает против всего, что кажется ему нарушающим чистоту духовного.

Так начинается и борьба за Бога. Борьба за такое представление о Боге, при котором молодой человек может иметь сильную веру, но вместе с тем и широту жизни, и страстность и зрелость духа. Он ищет, чаще всего бессознательно, иных материалов и масштабов для своего мышления о Боге. Он угадывает, что существенны бесконечность Бога и Его вечность, Его духовность и истинность. Чувство бесконечности у развивающейся жизни и суровая жесткость молодого духа предоставляют для этого материалы. В качестве же масштабов ему подходят законы природы, действующие всюду, или нравственный закон, в своей возвышенности и строгости

связывающий совесть, — словом, такие законы, которые стоят выше каждого частного случая, или такие жизненные опыты, которые пережестывают через любую грань. Бог есть Тот, Кто есть во всем и Кто во всем действует, подобно этим законам мирового и человеческого бытия. И еще Бог — Тот, Кто мощно пронизывает все, подобно тому как сердечное чувство до бесконечности пронизывает мир. Глубина потока жизни, сила воодушевления, неизмеримость тоски объемлющей все мироздание, великий опыт любви дают материал для образа Бесконечного.

Ревниво оберегается чистота представления о Боге. „Чистота” же означает, что о Нем не должно говорить ничего изменчивого, конечного, вещного, человечески ограниченного. Бог должен пребывать в незапятнанной, неизменной духовности, в ничем не ограниченной бесконечности. И если тогда оказывается, что в Священном Писании говорится о том, как Он грядет „на крыльях бури”, то остается думать, что это — красивое поэтическое сравнение. А если спросить, надо ли это принимать всерьез, в собственном смысле, то это будет отклонено с недоумением: как же так, Бог и вдруг „грядет”? Как может Бог смотреть на людей строящих башню, да еще спускаться с неба чтобы лучше увидеть, что они делают? Как может он разгневаться и смешать их языки? Ведь Бог — вечный смысл, вечная истина, все наполняющая бесконечность!

Но потом происходит новое превращение. Чувство бесконечности, свойственное пробуждающейся жизни, слабеет. Человек смутно ощущает свои пределы. Очертания предметов, прежде захлестнутые, проступают все больше, выдвигаются наружу, все более отчетливо и жестко. Человек начинает угадывать противопоставленные ему пределы Иного. Он замечает иллюзию, содержащуюся в тех движениях, казавшихся ему бесконечными. Но в то же время ему открывается, что такое, в сущности, „человек”, — именно этот человек, со всеми своими ограничениями и с трезвостью своего пробужденного существования. Нечто гораздо большее, чем всякая бесконечность жизни! Если теперь один человек приходит к другому и они понимают друг друга, и между ними возникает общность судьбы и общность чести, то это нечто неизмеримо более высокое, чем „закон природы” с его бесчувственным равнодушием. И если один заботится о другом и принимает его стремления как свои собственные, то это глубже, чем

где-то витающий, отвлеченный „нравственный закон“. Становится ясным, что характер важнее одаренности, личность глубже природного простора; добровольно признанная, пережитая, наполненная борьбой конечность благороднее кажущейся бесконечности юношеских ощущений.

Тогда тоже становится ясным, что тот образ Бога еще не был последним. От одной заботы сохранить чистоту представления о Боге он превратился в нечто застывшее или в нечто ускользающе-неопределимое. Теперь к этому добавляется новая определенность и новая жизненность: решающая жизненность личности. Бог видит человека, — склоняется к нему, — ведет его, — дарует ему Себя Самого, — все такие выражения приобретают новый смысл. Человек начинает чувствовать, что вся та „духовность“ и неизменность не стоит задушевной глубины приближающегося теперь к нему нового образа Бога. Словно смедея, человек доходит до „человеко-образа“ Бога, т. е. до Его историчности, которая и проявляется всюду в Священном Писании, приводя в негодование „мудрецов мира сего“, — к которым, ведь, и сам наш человек недавно еще принадлежал и считал необходимым принадлежать ради достоинства духа! Но вот теперь он смедеет, сознавая, что пробивается к чему-то гораздо более существенному и глубокому: к тому Богу, с Которым можно говорить и можно приходить к согласию.

При этом нет речи о том, чтобы терять что-либо из действительно имевшегося у него прежде. Неизменность и бесконечность остаются, но среди них вырисовывается нечто новое. Точно прежде мы видели только звезды в холодной строгости их взаимоотношений, или только море с необозримым чередованием его волн, — а теперь среди всего этого ясно проявляется живое лицо. Все что было раньше остается, но теперь оно определяется тем, что Бог есть Личность. Теперь это уже не „Бог философов“, также и не „Бог поэтов“, а „Бог Живой“, о Котором говорится в Священном Писании.

Эта история, самая возвышенная из всех, имеет еще продолжение. Но покамест хватит того, что сказано.

Это — история о том, как представление о Боге Живом и наше отношение к Нему приобретают свой образ из материалов нашего существования.

Правда, то, что в Священном Писании понимается под Богом Живым, представляет собою нечто еще гораздо большее и иное, чем все сказанное выше. Детская вера, духовность

и понятие бесконечности, опыт глубины и серьезности личного отношения — все это только подготовка, только предчувствие. В самую суть вводит нас только Откровение. От него мы и должны научиться, а все до сих пор сказанное служит только дверью, через которую мы входим, начиная при этом предугадывать, о чем, собственно, идет речь.

ПРОМЫСЛ

Одна мысль все время повторяется в Новом Завете, выражая совокупность того, что принес нам Христос: Промысл. Столько притч говорит об этом: притча о воробье, который не упадет с крыши без воли Божией, или о птицах, которых Бог питает, и о цветах, которые он одевает. Нам напоминает, что мы не должны боязливо заботиться о пище и одежде, о хлебе не только на сегодня, но и на завтра, — будущее в руках Отца и мы должны на Него уповать. И вновь и вновь одна и та же тайна звучит в задушевности этого выражения: „Отец ваш небесный”...

Все это означает: в своем существовании и в своей жизни со всем, что вам принадлежит, вы окружены бесконечной благодатью. Все, что происходит, происходит не случайно, а для вашего блага, ибо ход вещей направляется любящей заботой, обращенной на вас.

К этому нельзя относиться легкомысленно. Если посмотреть на окружающий нас мир, то отнюдь не кажется, что дело обстоит действительно так. В мире все протекает по своим неумолимым законам — и как часто за счет отдельной личности и ее счастья! Хорошие люди хиреют, не могут себя проявить, тогда как столько вещей нуждались бы в их заботливой и будящей руке. Творческие люди умирают, не успев принести своих плодов, а другие процветают, неизвестно, по какому праву. Благородные существа, неспособные защищаться, подвергаются насилию. Для чистых мыслей не оказывается места; ценное гибнет, низкое, посредственное, пошлое распространяется во все стороны.

Иногда кажется что царит бессмысленный произвол, разрушительная случайность. Порою можно даже подумать, что проявляется некая злая воля, притом именно тогда вдруг все ломается, когда могло бы расцвести нечто прекрасное или редкое свершение могло бы созреть.

Могут возразить, что в мире царит определенный порядок и все происходит по точным законам. Конечно, порядок существует. Только ему нет дела до человека. Этот порядок

идет своим путем, с ним не считаюсь. Разве похоже на то, чтоб он был направлен на жизненное свершение людей? Или на установление между ними справедливости, хотя бы только в самом скромном размере? Ведь, жизненное свершение у людей — вернее надо бы сказать: у данного человека, потому что в действительности существует всегда только отдельное живое существо! — могло бы означать только удовлетворение его сердечных запросов, приобретение творческого простора, исполнение его влечения к великому. Но мироздание на него не смотрит; оно идет своим ходом. Животным нет дела до нас. Они взяты в тиски неизбежных данных своего существования. Деревья нас не замечают, даже когда мы едим их плоды. Они растут и потом исчезают. Горы на нас не глядят. Они стоят и больше ничего.

И вот Некто пришел и говорит о Промысле!

Чем же может быть Промысл?

Вот что было бы Промыслом: если бы я мог быть уверен в том, что я, своей живою личностью, включен в такой порядок, который меня не принуждает, как естественный закон принуждает атом, и не нуждается во мне, как завод нуждается в рабочем, но целеустремлен на меня. Все должно было бы идти ко мне. То, что происходит, должно было бы иметь ввиду меня. Ход мироздания должен был бы быть согласованным с сокровеннейшими запросами моего существа... Когда мы своим разумом и на основе своего опыта рассматриваем мир, мы приходим к заключению, что в нем господствует слепой и холодный порядок. „Промысл” же означает, что во всем, что происходит, есть не слепота, а зрение; и предмет этого зрения — я. Это значит, что есть предвидение, учитывающее, что для меня хорошо, — есть в мире око, внимательное ко всему, око, от которого не может ускользнуть ничто вредное для меня или полезное. Что „ни один волос не упадет с моей головы” незамеченным и без заранее принятого решения, притом такого решения, которое имеет целью мое спасение. Что во всем ходе мироздания есть замысел, есть сердце и забота, и есть мощь, которая сильнее всякой мощи мира, способная осуществлять замыслы этого сердца и волю, выражаемую этой заботой.

Не хорошо, когда тайну Промысла подменяют дешевой и говорят о ней как о каком-то природном, слегка неправдоподобном, слегка сентиментальном мировом порядке. Вся вера со всей своей смелостью стоит за идеей Промысла. Верить в

Промысл, следовать вере в Промысл значит преобразовывать картину мира. Это тогда уже не тот мир, который знаком естествознанию. Мир становится живым. Конечно, — не фантастической жизнью. Это не сказочный мир, в котором происходят диковинные вещи, и который исчезает, как только сталкиваешься с суровой действительностью. Промысл не означает устранения жесткости мира. Мир есть то, что он есть. Но согласно Промыслу мир, со всеми его естественными явлениями и закономерностями, не замкнут в себе, но подчинен силе над ним стоящей и служит намерению более высокому, чем он сам. Законы мертвой материи не теряют своей силы, когда этой материей овладевает жизнь; законы органического роста тоже не исчезают, когда в человеке сердце и дух создают свой особый мир. Все эти законы остаются в силе; но они служат более высокому началу. И кто видит это более высокое начало, тот видит и служебную роль, которую те силы и законы выполняют по отношению к нему. Промысл означает, что все в мире сохраняет свою сущность и свою реальность, но при этом служит тому самому высшему, что стоит над всем миром: любящей воле Бога.

А эта любовь Бога к Его творению, которое Он сделал Своим чадом, столь же жива, как любовь одного человека к другому, ему дорогому. Такая любовь следует за любимым существом в его развитии, в его судьбе, в его вечно новых личных действиях и решениях. Любовь Бога к человеку — такая же живая и вечно новая. И она вовлекает весь мир в постоянно обновляющуюся обращенность Бога к человеку. Нет — нет и случается даже, что она сводит к одному мгновению весь мир со всем его настоящим и прошедшим, со всем бытием и развитием, и поворачивает его в сторону чада Божия.

Так мир обновляется каждое мгновение. Каждое мгновение бывает только один раз. Его не было раньше и оно не повторится. Оно выплыло из вечности Божией любви и вошло в себя все бытие и все развитие, ради чада Божия. Что происходит, то приходит ко мне от Бога, из Его любви. Это — призыв ко мне. Это требование ко мне. В этом я должен жить, действовать, расти и стать тем, чем я должен быть по воле Божией. И вновь и вновь мир в этом должен получать свое завершение, становясь тем, чем он может стать только через человека — то есть, нет: через меня.

А всетаки — не просто ли это прекрасная поэтическая

фантазия? Или не есть ли это нечто такое, во что можно только „верить”, в отчаянном смысле этого слова, без всякой надежды когда бы то ни было проверить это на опыте?

Нет. Это — действительность, которая может быть установлена.

Для этого есть возможность, постоянно возобновляющаяся. Она называется: „Сейчас”.

Можно идею Промысла мыслить только рассудком. Тогда она остается теорией. Человек тогда размышляет о том, что все создано Богом и все происходящее следует Его воле. Если тогда мир кажется противоречивым, то остается искать выхода в многосложности всех действующих сил, в многослойности связанных между собою целей, в которых мы не можем разобраться; остается сказать, что еще меньше мы в состоянии обозреть сплетение человеческих судеб и, следовательно, можем успокоиться на том, что отдельные факты, которые могут казаться бессмыслицей или разрушением, служат, вероятно, некой конечной цели. Это уже не мало; это уже — некоторое преодоление. Но возможно и нечто гораздо большее.

Промысл есть реальность; и эту реальность надо главным образом не мыслить, а творить... И даже надо было бы нам с вами для этого оторваться от бумаги. Как сказать, что тут имеется ввиду? — Вот пришло известие: „Случилось то-то и то-то”. Дела теперь обстоят так-то и так-то. Цепь вещей, событий и требований смыкается вокруг тебя и на тебя смотрит. Смотрит на тебя „оно” — положение, — да нет же: это совсем не „оно”! Пробуди свое глубинное чувство: не „оно”, а **Он!** И пожалуйста, ни в чем не старайся себя уговорить, оставайся правдивым. Но будь пробужденным, прислушивайся, и в один прекрасный день тебе станет ясным, что Он тут, смотрит на тебя, к тебе обращается и ждет твоего ответа. И теперь ты вступаешь живым в это единство и действуешь на этом основании, вследствие того обращения к тебе и того ожидания твоего ответа. Вот это и есть Промысл. Тут уже ты не только думаешь, но и действуешь. Тут открытость и готовность — „Сейчас!” Тогда свершается Промысл.

Что это значит? Это значит, что Промысл — не готовый заведенный механизм; он свершается творчески, из новизны свободы Божией, по „также” и из новизны нашей маленькой человеческой свободы. Не где-нибудь, а здесь. Не вообще,

а сейчас. Промысл — тайна Бога Живого, и ты познаешь его в той мере, в какой самого себя живым включаешь в него, — не ждешь, чтобы над тобою свершилось, а со-действуешь. Ты призываешься. Ты вовлекаешься Богом в сложную ткань Его творчества, Им предусмотренного. Твоя совесть должна увидеть, что сейчас важно. Твоя свобода — тебе от Бога данная, свободно Им данная — должна это поднять из своих недр. Твои руки должны за это взяться. Как живой человек ты должен находиться в живом Божием делании.

Тайна Промысла остается мертвой, когда мы ее только мыслим. Она становится действительностью, когда мы ее творим.

И тогда мы постигаем, что значит : Бог Живой. Тогда узнается новизна каждого данного мгновения. Вот обстановка, которой никогда не было до сих пор. Но она находится не в пустоте, не в воображении, а в целостной реальности. И теперь это важно ! Теперь действуй так, как действовать нужно. Но действуй свободно. Действует Сам Бог. Ты существуешь и действуешь в согласии с Ним — если позволительно так говорить при смирении, подобающем твари. Впрочем, нет — отбросим это. Он один. Но все же и тогда, и тогда даже тем более, — ты тоже... Вот это — Промысл.

БОГ ВИДИТ

В 22-й главе Книги Бытия рассказывается о самых тяжелых мгновениях в жизни Авраама — как Бог его испытывал и потребовал от него жертвы так долго ожидавшимся единственным сыном. Авраам повиновался, с тем послушанием веры и упования, которая навсегда утвердила его в обетованиях Божиих. Но в самый страшный момент он услышал зов ангела Божия, который освободил его из ужасающего испытания.

„И Авраам назвал это место : Бог видит”.

Пока испытание окутывало его своим мраком, на душе у него было должно быть так, как у человека попавшего в безысходную беду среди непроглядной тьмы. Но вот черные стены пали, и он увидал, что не был оставлен и что взор Божий был все время на нем.

Бог есть Тот, Который видит.

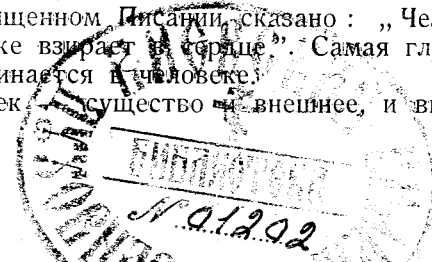
Тайна зрячести Бога Живого...

Мир в большей своей части находится вне моего поля зрения, слишком далеко от меня, чтобы мне туда достигать. Слишком велика протяженность мира, чтоб мне ее обозреть. И слишком глубоко уходит мир в мельчайшие величины, чтоб мне его постигнуть. Бог же видит все. Пустыни, горы, бездны, глубины моря и земли, — солнце, звезды, безмерность мироздания, — до не постижимости мельчайшие частицы в строении вещества, — все это Он видит. То, что теперь происходит где бы то ни было, то, что прежде происходило в бесконечном чередовании мгновений, то, что произошло до всякой истории, когда не жил еще ни один человек и ни одно чувство не воспринимало ничего, — Он все это видит. Есть око, открытое, абсолютно видящее. Есть взор, все охватывающий, всюду проникающий.

Но это еще не самое великое.

В Священном Писании сказано : „Человек видит внешнее, Бог же взирает в сердце”. Самая глубокая недостижимость начинается в человеке.

Человек — существо — внешнее, и внутреннее : одно в

другом. Во всем внешнем, в образе и в поведении, содержится внутреннее. То определяется этим, и от этого то приобретает свою истинность. Но так ли уж определенно можно уловить это внутреннее?

Человек совершает жест, который сам по себе выражает благорасположенность, но может статься, что внутренне он полон отталкивания и ненависти. Иногда можно это заметить или почувствовать нечто двусмысленное и тревожное. Но бывают люди, так владеющие своими внешними проявлениями, что невозможно дознаться, что, собственно, за этим стоит.

Бог видит, что есть за этими внешними проявлениями, за любыми жестами, за любым выражением лица. Как бы ни была сильна воля ими владеющая, как бы ни была обманчива эта игра, — даже если в них кроется все лукавство, какое только есть в природе, перед Богом все это раскрыто до самого последнего конца.

Любому действию подлинный смысл придается тем побуждением, из которого оно совершается. Кажется, например, что человек оказывает другому услугу; но в действительности он руководствуется расчетом. Его интересует не благо другого, а собственная выгода... Он помогает, и если его спросить, почему он это делает, он ответит: „Потому что я к нему хорошо отношусь“. При этом он даже не солжет, — он действительно думает, что это так. Но внезапно он сознает, что все — таки его сердце было обращено не туда. Ему хотелось быть замеченным. Значит, за тем первым побуждением таилось другое — тщеславие. Но может быть, и это еще не предел. За этим побуждением могли скрываться еще другие, совсем темные и совсем странные. Так один импульс может проскользнуть за другой, смешаться с другим, маскироваться в другом. Тут обнаруживается целое сплетение побуждений, вытесненных и пересекающихся между собой инстинктов. В человеческой душе самые странные подтасовки, маскировки и замещения создают целый ряд слоев. Кто в этом разберется? Внешнее у человека вырастает из внутренней глубины. Если проследить его поведение до этих корней, то попадаешь из слоя в слой, из одного сплетения в другое сплетение. А до самого дна, пожалуй, вовсе невозможно добраться. Может быть даже и нет никакого дна, а есть бездна.

И тут опять Бог есть Тот, Который видит. Его взор проникает сквозь все эти сплетения. Он отличает ненастоящее

от настоящего, выражение от намерения, маску от первопричины. Корни, дно, истоки лежат перед Ним обнаженными.

Бывает, что человек поступает невпопад, неловко и нецелесообразно. В действительности он имел ввиду нечто совсем другое, только ему не удалось... Другой человек хотел бы высказать то, что он думает, а слов не находит... Или человек хочет выразить свое настроение, а жесты и выражение лица ему не повинуются... Разве не бывает, что мы знаем отлично, какие именно слова надо бы сказать, и хотели бы их сказать с полной искренностью, но тем не менее остаемся немыми? Выражение нам не дается.

Даже и так бывает, что мы чего-то хотим и сами не знаем, чего. Человека что-то куда-то влечет и он неспокоен, но при этом не понимает сам себя. Тут немота оказывается еще глубже. Даже внутреннее знание и внутреннее слово несвободны.

Все это приносит много бед. От всего этого много неправды делается одними другим.

Бог же есть Тот, Который видит — видит и узнает, — узнает и то, что не находит никакого выражения, то, что еще не открылось даже себе самому.

Чтобы выразить, что то или иное мерится абсолютною мерою правды и испытывается до самого конца, Священное Писание обычно говорит: это стоит „перед Богом“. Стоит перед взором Божиим, проникающим до самых глубин, познающим самое сокровенное молчание, когда еще не может быть никаких слов; и только так все существующее утверждается в качестве того, чем оно стремится быть. „Перед Богом“ все по-другому, чем „перед людьми“ или перед самим собой. В том именно, что все происходящее происходит перед Богом, совершается непрестанный суд Божий над всем, что происходит, и над всем, что есть. Под Его взором все, в целом и в частности, внешне и внутренне, в причинах и в следствиях, в началах и в развитиях.

Исходя из этого можно понять, что такое „страх Божий“. Это не только тревога от непосредственного ощущения Его потрясающего могущества: это также сознание, что Он тебя видит насквозь, что ты стоишь перед Его святым неподкупным судом и отговориться не можешь.

Но не ужасно ли быть под таким взором, стоять в таком беспощадно ярком освещении? В лабораториях и в больницах бывают такие помещения — совершенно белые, с

немногочисленной мебелью, стеклянные, освещенные очень сильными лампами, нестерпимо ярко: ни одного уголка, ни малейшей тени, куда бы спрятаться. Неужели же мы перед Богом, как больной в таком операционном зале под взглядом врача? Было бы от чего ужаснуться!

Но это не так. Можно быть видимым по-разному. Видящий взор не только отражает то, что есть, он также влияет на то, что он видит. Видеть означает также и действовать. При этом нечто происходит с тем, что было увидено.

Один может посмотреть на другого с неприязнью. Такой взгляд задевает. Можно посмотреть на другого с любопытством, или с похотью, или со злобой. Такой взгляд уязвляет и действует разрушительно. Он вызывает отпор. Можно смотреть на другого с равнодушной пронизательностью. От такого взгляда пробирает холод, человек чувствует себя униженным, задетым в своем достоинстве... Но можно смотреть на другого и с благоговением. Тогда тот приобретает больше простора, больше свободы для себя. Можно смотреть с благожелательством, с добротой. Это ободряет... Можно смотреть на другого с любовью. Тогда в нем раскрывается то, что сокрыто. Пробуждаются силы. Он становится самим собой.

Бог есть Тот, Который видит. Но Его видение есть любовь. Оно охватывает Его создания, говорит им „да“ и ободряет их, ибо „Он не ненавидит ничего из того, что Он создал“ — Он, ведь, сказал однажды, что „все добро зело“. Он видит возможности Своих тварей и призывает к их осуществлению. Он видит зло и его измеряет, видит грех и осуждает его; Его суд проникает до самого дна и ничто не может от Него утаиться, — но Он сам сказал нам, что Он — Спасение; и все это тоже охватывается Его взглядом.

Божия любовь — творческая и спасающая. Она вызвала к бытию мир, которого еще не было, и она же воссоздала погибший мир. Бог видит не так, как смотрят на нечто уже готовое, заранее данное; Его видение это — сама творческая любовь и само могущество, утверждающее каждый предмет в его бытии и вновь возводящее его из глубин падения.

Бог видит: это значит, что Его лик обращен к человеку и этим самым дает человеку его человеческий лик. Я являюсь самим собой оттого, что Он меня видит. Душа жива устремленным на нее любвеобильным взглядом Божиим. Бесконечная в этом глубина, и тайна блаженства.

Бог есть Тот, Который видит с любовью. Тот, взором Которого все сущее есть то, что оно есть... и я являюсь тем, кем я являюсь.

Нет ничего яснее Божиего взгляда. Но нет и ничего более оберегающего. Этот взгляд неумолим; но он же и источник надежды.

Божий взгляд не разоблачает перед всеми; он охраняет. Не выдает меня, а окутывает меня с величайшей бережностью. Человеческий взор нередко разрушает тайну. Божий взор ее создает.

Мы не можем сделать ничего лучшего, как внедриться в Божий взор. Чем глубже мы постигаем, что есть Бог, тем сильнее мы ощущаем потребность быть под Его взором. Он-то нас видит, хотим ли мы того, или нет. Но есть разница в том, стараемся ли мы уклониться от Божиего взгляда, или сами переносимся в него, улавливаем то, что он для нас выражает, согласуемся с этим и сами желаем, чтобы воля Божия свершалась и здесь.

Мы не можем сделать ничего лучшего, как поставить себя, вместе со всем, чем мы обладаем, перед взором Божиим: „Да буду я видим Тобою“. И отбросить боязнь, которая мешает нам так поступать. Духовную лень, самолюбие, гордость, все это — тоже прочь! „Да видишь Ты хорошее, но да видишь Ты и несостоятельное! Уродство, неправду, лукавство, зло, — да видишь Ты все, о Боже!“

Бывает, что мы не в состоянии что-то изменить. Тогда по крайней мере пусть Он это видит. Бывает, что мы не можем в чем либо честно раскаяться. Но нужно, чтобы Он это видел, — а к тому же видел и то, что мы еще не можем раскаяться!

Всякая недостаточность и всякое дурное могут существовать. Все это еще не смертельно, пока находится под Его взором. Пока мы способны выступить перед оком Божиим, это служит нам неиссякаемым источником обновления. Все возможно, если мы всего ожидаем от Бога. Но всему прозрит гибель, если воля к этому у нас исчезает.

ВОЛЯ БОЖИЯ

Однажды ученики Христа пришли к своему Учителю с просьбой: „Иоанн научил своих учеников молиться, научи и Ты нас!“ Мгновение глубоко значительное: Христос должен им сказать, как им делать самое сокровенное и великое, а именно — приходить к Богу, принимать от Бога Божие и приносить к Нему свое человеческое. Христос должен им объяснить, о чем нужно просить, и в каком настроении прошение становится правильным. И Он научил их молитве „Отче Наш“.

Это не просто молитва как всякая другая, а первообраз всякого христианского моления. Итог всего, о чем следует молиться, и выражение внутреннего состояния, в котором молитва должна протекать.

И есть в этой молитве удивительная фраза: „Да будет воля Твоя“. Отдали ли мы себе когда либо глубоко отчет в том, что это означает?

Прежде всего, это означает, очевидно, что воля Отца велика и драгоценна, — именно нечто такое, чего следует желать при серьезной молитвенной настроенности. Уже это примечательно. Собственно, мы не привыкли так смотреть — смотреть как на драгоценность — на волю Божию, которая нам предстает всегда как строгое, а часто и затрудняющее нас увещание.

Продолжая мысль, изумляешься еще больше. Воля Божия — и вот я должен просить о том, чтобы она совершилась... Значит, она может и не совершиться! Разве же Бог не Всемогущий? Разве Его воля не есть уже действие? А тут мне говорят просить о том, чтобы Его воля свершилась! Что за странную заботу мне тут предлагают разделить: я должен заботиться о том, чтобы совершалась воля Божия! Выходит, что воля Божия — нечто уязвимое и хрупкое?

Все становится еще более удивительным, если думать дальше: эта воля столь драгоценна и вместе с тем столь уязвима, что ради нее приходится обращаться с призывом к самому сильному, что есть: к Самому Богу. Человек про-

сит Бога, чтоб Он сделал так, чтоб Его воля свершилась... Не странно ли все это наслаение различных реальностей, здесь проявляющееся, — это сплетение разных настроений, которое здесь вызывается? Тут и величие воли Божией, а вместе с тем и ее хрупкость; тут и слабость воли Божией в мире, так, что забота о ней возлагается на человека, — но этот же человек тут же зовет на помощь Бога, согласуя таким образом свою заботу с торжествующим Божиим всемогуществом, господствующим над всем... Чувствуешь ты тайну, имя которой — Бог Живой?

Что такое — воля Божия?

Мы слишком привыкли понимать ее только в смысле морали: как итог всех наших обязанностей, как своего рода олицетворение „нравственного закона“. Но ведь это нечто гораздо большее! Воля Божия для нас попросту то, что должно произойти. То, что должно возникнуть в Им сотворенном мире, что должно вырасти из взаимодействия природных сил, подняться из человеческого творчества, из свободы духа, чтобы мир стал таким, каким Он его задумал, все это — воля Божия. Воля Божия это — завершение Его творения, в которое включен человек со своею свободой.

Все это уже невообразимо велико. Но есть и того больше:

Воля Божия это то, чего Бог требует от людей. Лучше сказать — не от людей, а от меня. Это Его воля относительно меня: то, что мне надлежит. Мне, единичному, включенному в целое. Мне через всю совокупность истории и мироздания и всей совокупности мироздания через меня.

И еще того больше:

Эта воля отнюдь не стоит только „надо“ мной или „передо“ мной, заявляя: „Ты должен делать то-то и то-то, и должен стать тем-то и тем-то!“. Это не инструкция, которую мне дали бы при выступлении в поход чтобы я ее выполнял, а живая сила, действующая внутри меня. Воля Божия не только требование, но и воздействие. То воздействие особого рода, которым Он внутри меня напоминает, влечет, помогает, поддерживает, творит и образует, борется, преодолевает и завершает. Воля Божия это та сила, которую Он действует, чтобы я мог совершить то, чего Он требует. И под этим углом зрения воля Божия получает другое наименование: она называется благодатью. Значит, когда воля Божия совершается, то это — дар самой этой

воли и ее действие... а вместе с тем и мое... мое действие через Его действие... и Его действие во мне... И все это — тайна единства.

Но и это еще не все :

Воля Божия во мне не есть нечто готовое, отлитое в окончательную форму, а нечто постоянно возникающее и требующее по-новому. Если я стою перед какой-либо обязанностью и ее не выполняю, то воля Божия не совершается. Кончается ли на этом все дело относительно Божией воли? Перестает ли она мною заниматься? Конечно, нет! Немедленно она снова мне говорит: „Сделай это!“ Однако, эта воля теперь стала иною. Неправда совершилась. Это не отвечало воле Божией; но с того момента, как неправда совершилась, воля Божия — Его вечно-единая, вечно-неизменная, но вместе с тем живая и непрестанно творящая воля — охватывает меня как совершившего ту неправду. Живым действием неправда теперь вписана в мое внутреннее состояние. Своими последствиями она вписана и в окружающую меня внешнюю обстановку. Она лежит перед Богом в качестве вины. Воля Божия теперь говорит: „Ты, которому все это предназначено, — поступи теперь так-то!“ Но это значит, что воля Божия не изготовлена раз и навсегда, — она охватывает мою свободу с ее делами и в каждом отдельном случае, исходя из того, что есть, обращается ко мне по-новому.

В этом немало беспощадности. Ничто не забывается. Ничто не остается незамеченным. Что есть, то есть. Оно вовлекается в требовательную волю Божию и должно быть пронесено. Но есть в этом и несказанный простор. Воля Божия существует всегда. Всегда существует путь. Если офицер получил приказ и выполнил его неверно, то на этом все и кончается. Приказ был, каким он был, и он пропал зря. Никакого пути тут больше нет. А перед Богом всегда есть путь. Что бы ни совершилось, хорошее или плохое, — воля Божия творит над этим свой суд, но вместе с тем и вбирает в себя совершившееся и требует следующего шага. Тем самым все идет дальше. Путь может становиться более трудным, может потребовать больше самоотречения, может быть отягощен сознанием вины и понесенной потери; но это все же путь. Не такой путь, который начертан раз и навсегда, так, что если с него сойти, то попадаешь в бездорожье.

Нет, этот путь силою Божией возникает у человека под ногами, все время заново при каждом шаге.

Эту волю Божию нужно назвать самым прекрасным именем, какое есть в Откровении: это — любовь Отца.

Не безличный закон, а живая творческая сила Того, Кто сотворил человека и мир. Не приказ деспота его подданным, а личное требование отца, предъявленное такому-то его сыну, такой-то его дочери. Любящая воля по отношению именно к этому или к этой, всегда единственным... И не только требование, но и живая сила, поддерживающая и помогающая. Иначе говоря — благодать. Дело любви, которое и приводит к тому, что требование может быть услышано и исполнено. Сила любви, которая дарует все: и бытие, и возможность делать, и самое делание. Но этим самым я лично приобретаю то, что благодаря этому есть, что становится возможным и что делается: это — согласие Всемогущего со свободой. Тайна же этого согласия в том, что чем могущественнее сила благодати, тем свободнее свобода владеет самой собой. Не неподвижные требования, такие, что если одного из них не исполнить, то воля Божия обращалась бы этим впустую, все ломалось бы и все было бы кончено, — но любвеобильное творчество из вечной новизны, направляемое непрестанной заботой отца о его детище. Бог сопутствует происходящему, содействует свободе. Такова несказанная тайна Его долготерпения, лишь потому возможная, что Он воистину Живой и беспредельно-мощно Живой.

И теперь мы можем понять, каким образом „божественное поучение наставляет нас“ просить: „Да будет воля Твоя“.

Вот что получается: чем более глубоко человек становится христианином, тем обостреннее становится у него забота о свершении воли Божией, сознание того, что эта воля — самое драгоценное из всего, а вместе с тем и самое хрупкое и самое мощное. Его тревога за волю Божию углубляется тем более, что он знает свою собственную нищету, ненадежность и грешность. Внедряясь все больше и больше в человеческую душу, эта тревога обращается к Владыке мира и Его просит о том, чтобы Он Сам охранял и свершал высочайшую ценность, которая одна придает смысл всему. А вместе с этим растет упование, что так и будет, что эта слабость восторжествует над всякой противящейся силой.

Глубоко в себе христианин носит „страх Божий“ —

как бы не выпасть из этой святой воли Отца, тревогу — как бы не повредить красоту этой воли, как бы не лишиться этого невозместимого смысла. И оттого он просит Бога о долготерпении. Но с другой стороны христианин говорит в сердце своем: Не может того быть, чтоб воля Божия была тщетной. Ведь могло казаться, что грех разрушил волю Божию относительно мира. Но тогда совершилось невероятное, пришло искупление и стало даже возможным говорить о „блаженной вине” павших людей. И творение, казавшееся погубленным, — разве не оказалось оно переключенным на чаяние „нового неба и новой земли”?

Только нельзя из этого делать для себя самого слишком успокоительные заключения. Необходимо упорствовать в этой великой и глубокой тревоге за волю Божию, необходимо бодрствовать и действовать.

РАСКАЯНИЕ

Когда Моисей, пасший стада на горе Хориве, был призван Богом, он увидел пылающий куст, горевший и не сгорающий. Он хотел было подойти ближе и посмотреть, что это такое, но услышал голос: „Не приближайся! И разуй ноги свои! Ибо место это — земля святая”. Мы дерзнули размышлять о том, Кто Он, Тот, Кого Священное Писание именует Богом Живым, и уже мы услышали повеление: „Разуй ноги свои!” Обувь в которой мы иначе ходим повсюду, все измеряя уверенным шагом, — наши представления, иначе оправдывающиеся везде, — тут уже не могут нам пригодиться. С ними мы доходим до некоторого предела; а там надо „разуться” и все это отложить. И мы замечаем, что тогда-то и начинается все самое настоящее. Тут — тайна; но в этой тайне начинает ощущать свою подлинную родину то самое глубокое, что в нас есть: наше сердце.

„Сердцем” Священное Писание называет то, посредством чего мы получаем наиболее глубокое познание Бога. В деле познания Бога разум тоже имеет свое назначение, благое и ясное, предуказанное ему Самим Творцом. Но когда разум выполнил свое назначение и дальше продвигаться не может — притом с той особенностью, что он сам замечает, почему это так: потому что тут начинается нечто большее, чем он сам, — и когда в то же время сердце чувствует, что достигает самого настоящего, — вот тогда мы стоим перед Богом Живым.

А то место, где горит несгорающий куст, называется раскаянием.

Ребенок сделал, чего не должен был делать. Мать это увидела и бранит его. Собственное чувство и слова матери сплетаются в одно, ребенок начинает сознавать, что совершил проступок, и об этом жалеет. Но когда горе изжито и мать говорит „Я тебя прощаю”, ребенок утешается.

Теперь мать объясняет ребенку, что когда он поступил плохо, это видел Бог: это было плохо перед Богом, а не только перед матерью. Внутреннее сожаление теперь обращается к

Богу, доброму но и строгому, Которого проступок прогневил. Если мать затем говорит : „ Не делай этого больше, и Бог тебя простит ”, — то тогда ребенок утешается, вероятно, еще глубже. Он чувствует витающую здесь тайну.

Теперь представим себе человека, пробившегося сквозь те вопросы, о которых мы однажды уже говорили. Представим себе, что этот человек совершил неправый поступок. Его это гнетет. И вот кто-либо, перед кем он решается высказаться, и кто имеет право так говорить, объясняет ему, что Бог прощает, когда к Нему приходят с раскаянием ; тогда легко может случиться, что человек подумает с удивлением : „ Что это такое — прощение ? ”.

Если понять, что означают слова „ ты должен ”, если почувствовать достоинство и непреклонность нравственного закона, самая мысль о прощении от Бога может показаться полной бессмыслицей и почти даже предательством по отношению к нравственному величию. Были мыслители, которые это сознавали с очень большой силой, и именно этим объясняется властное влияние, оказываемое ими на очень серьезных и нравственно строгих людей. Например, Канта так захватило величие нравственного императива ”Ты должен”, что из-за этого все остальное стало от него ускользать. Нравственное делание и несение ответственности превратились у него в тот предел, за которым нет больше вообще ничего, нет даже и Божиего прощения... В таком возражении лежит большая доля правды. Оно возникает из глубочайшей серьезности человеческой совести и отнюдь не надо стараться перекрыть его благочестивыми фразами и потребностью в утешении. Уже ставилось на вид, что религиозные люди с чрезвычайной легкостью переходят от неправедных дел к состоянию утешенности, слишком быстро начинают чувствовать себя избавленными от содеянной ими неправды. Этот упрек нередко оказывается слишком справедливым. Мысль о прощении действительно может подрывать непреклонность нравственного долга и серьезность человеческой совести. Правда, само представление о прощении оказывается тогда тоже извращенным, потому что подлинное прощение содержит в себе и полноту нравственной строгости.

Все же, если говорить только об „ этике ”, то дело обстоит так : что я сделал, то я сделал. Это есть и остается на всю вечность. На первый взгляд „ прощение ” тут не имеет смысла. Для него как бы нет точки приложения. Оно

отскакивает от непреклонности закона. Если говорить только об „ этике ”, т. е. исходя из основного опыта, ставящего меня и мою совесть перед императивом „ ты должен ” и перед его безусловной обязательностью, то нужно сказать : сделанная неправда сделана, она неистребимо реальна и я должен за нее отвечать. Мне следует одуматься, следует стараться больше этого не делать, — но сама содеянная неправда остается и убрать ее некуда. Так же остается и содеянное добро, — таким же отмежеванным от всего, что еще может иметься за ним. В такой строгости есть несомненное величие. Ею вырабатывается то, что мы называем „ характером ”.

Что же могут тогда означать слова „ Бог прощает ” ?

Когда мы говорим „ Бог прощает неправду ”, то во всяком случае не в том смысле, будто Бог скажет мне : „ Не печалься больше об этом, а в будущем поступай лучше ”. Или : „ Утешься, Я на это не смотрю так строго ”. Все это было бы недостойно, и неправда оставалась бы. Подлинный смысл гораздо больше этого, в нем есть нечто неслыханное. Смысл в том, что тогда вины больше нет, — истинно и действительно ее больше нет, нет ее больше и перед моей совестью.

Это означает во-первых, что нравственный закон не стоит „ над ” Богом, подчиняя Его Самому некоему надзору. Нравственное добро, нас связывающее, не представляет собою отвлеченного закона, оно попросту — Сам Бог Живой. Что Он делает, то и создает сам нравственный закон. Отсюда, ведь, и проистекает высочайшее величие божественного „ Я ” : сам нравственный закон, само добро воздвигаются и говорят, когда говорит Бог.

Но тайна еще более глубока. Она столь же неслыхана, как и то, что некогда не было ничего, а потом явился мир. „ В промежутке ” было Божие творчество, и для нас это невообразимо. И тут тоже, „ в промежутке ” творит Бог, Он привлекает к Себе человека со всем, что человек соделал, вовлекает его в Свою несказанную мощь, властвующую над бытием и небытием... И даже еще больше : Он вовлекает человека в тайну той силы, о которой никто кроме Бога не мог бы и помыслить без преступного покушения на величие нравственного закона, — в тайну той Его силы, которая не только может вызвать к бытию то, чего нет, но может и снова вызвать к безвинности то, что стало виновным. Тут происходит творение заново. Бог привлекает к себе человека со всем, что тот сделал, вовлекает его в нечто несказанное, и из этого человек воз-

никает новым и безвинным. И не то, чтобы Бог перестал смотреть на вину, а просто вины больше нет. Человеческой совести тоже нет больше надобности отворачиваться от вины, — ее больше нет.

Тот, Кто это может, — не только говорит это, но если говорит, то и делает, — Тот, Кто делая это, не затрагивает величия нравственного закона, как деспот не считающийся с правдой и неправдой, а напротив, свершает именно этим нравственный закон, — Он и есть Бог Живой.

Он не только, как у Канта, высший хранитель нравственного закона, ручающийся за то, что придет некогда день, когда порядок нравственный и порядок счастья совпадут : Он — Бог Живой, Который может прощать.

Где же остается тогда серьезность вины ?

Тут недостает еще одного : раскаяния.

До тех пор, пока мы остаемся в области одной только „ этики ”, для раскаяния тоже нет места. Если об этом спросить такого человека, который живет одной только „ этикой ”, только суровостью голого нравственного закона и обязательствами своей совести, то, я думаю, настоящего раскаяния не окажется в его жизни. Он скажет : „ Что я сделал, то я и должен нести на себе. Даже, если кто-либо захотел бы с меня это снять, я не мог бы этого допустить. Я этого и не хочу, потому что этим уничтожилось бы достоинство моей личности. Я буду нести последствия, я исправлюсь, но что было, то было ”. В таком взгляде есть нечто бесчеловечное, но есть и возвышенная последовательность мысли. Раскаяние же бывает только там, где есть Бог Живой.

Что такое раскаяние ?

Оно означает не только то, что человек понял неправедность своего поступка, жалеет о нем, готов понести его последствия и принимает решение впредь поступать лучше... Раскаяние больше всего этого. Оно означает обращение к Богу Живому. Он — святой, неприступный ни для какой неправды и ее не терпящий. Но Он же и любовь, Он — Творец и Он властен не только сотворить человека, чтоб человек был, но и совершить нечто неизмеримо более высокое : заново сотворить личность, отягощенную и запятнанную виною, с тем, чтобы она снова стала чистой.

Раскаяние есть обращение к глубочайшей тайне творческой силы Всесвятого Бога. „ Только-этическое ” поглощается здесь в несказанно живом и святом. Раскаяние не покрывает вину для

того, чтобы вины больше не было видно. Напротив, оно — сама правдивость. Для раскаяния требуется видеть то, что есть. Не для копания в собственных переживаниях и не в боязни. Вызываемые виною связанность и боязливость чужды раскаянию. Они могут ему только мешать, являясь последствием нервной поврежденности. Раскаяние же требует правдивости. С полной правдивостью того, что он сделал, человек приходит к Богу и говорит : „ Я провинился перед Тобою. Признаюсь в этом. Ты — Судия. Я выступаю перед Тобою, свидетелем против себя самого. Я желаю Тебя, — да будешь Ты, да будет воля Твоя, ибо Ты — свят. Правда Твоя вопреки мне. С Тобою вместе я сужу себя самого. Но Ты — любовь. И к этой любви я взываю. Себя самого и все, что во мне есть, я предаю тайне Твоей любви. Этим я не хочу обойти строгость Твоей справедливости. Но Ты — милосердие ! ”.

Этого уже не может свершить рассудок. Но сердце знает.

Раскаяние у человека соответствует прощению у Бога. Богу Живому, Который может прощать, соответствует надежный живой верой человек, способный раскаяться. Тут и там, — единая тайна святой жизни.

И раскаяние есть тоже дар. Когда человек приходит к Богу со своим раскаянием, Бог Живой уже в нем, Он и даровал ему раскаяние.

И тогда не только опускается завеса над содеянным злом, но я сам заново рождаюсь, начинаюсь заново.

Тут — глубокая тайна, и мы угадываем : Бог Живой есть Тот, Кому это возможно. *)

*) В вышесказанном кое-что подчеркнуто с преувеличенной силой. Этическое начало можно понимать и не „ только этически ”. Ведь уже и в нем присутствует живая личность со своей любовью, а следовательно в нем есть уже и предчувствие раскаяния. Но нужно все изложенное нами продумать во всей остроте, чтобы уяснить себе потрясающую неожиданность идеи прощения.

СЕРДЦЕ И БОГ

Глубина Бога Живого различным образом выступает перед нами из слов Священного Писания. То, что о Нем говорится, иногда побуждает нас продвигаться посредством нашего мышления. Мы это делаем, проникая из одного слоя в другой, до тех пор, пока из нами продуманного, из нами измеренного не предстанет перед нашим духом Его тайна и Его мощь. Но есть и другие слова: когда мысль так совершила свою работу, она замечает, что самое настоящее остается, за доступными ей пределами. Настоящая глубина, которая здесь сказывается, происходит уже не из того, что поддается мышлению, а из чего-то иного.

Так мы уже говорили о том, что Бог есть Тот, Который видит. Мы старались проникнуть в тайну этого Божиего видения. Она встала перед нами в своем величии; мы ощутили ее глубину и хотя бы только частично угадывали в этом то именно, что Бог есть Бог Живой. Нечто похожее происходит с нами, если мы, например, вникаем в одно из самых прекрасных изречений Священного Писания, которое стоит в третьей главе, стихе 20-м первого послания Св. Апостола Иоанна: „Если сердце наше осуждает нас, то... Бог больше сердца нашего и знает все”.

Бездонная глубина в этом изречении. Но эта глубина не оттуда, где может действовать мышление.

Здесь говорится об „обвинении сердцем”. То есть, не только рассудок говорит: „Ты поступил неправильно!”. Не только совесть упрекает: „Ты содеял неправду!”. Тут сердце обвиняет, и это больше того. Из обвинения рассудком возникает мучительная ясность понимания. Из обвинения совестью появляется горечь от обнаруженной вины. То и другое ложится бременем на человека. Из обвинения сердцем возникает нечто большее. Нечто, затрагивающее нас совсем по-другому, причиняющее совсем иную боль. Совсем другая грусть подымается из этого.

Обвинение сердцем приходит издалека. Мы даже не можем измерить, откуда. Из корней жизни... Была сделана неп-

равда, которую еще можно как-то назвать. Но из выражаемого словами подымается нечто несказуемое. Сама жизнь обвиняет: Ты со мной поступил неправо!... Есть, может быть, в этом обвинении грусть о прошедшей молодости, горькое чувство потери того, чего нельзя получить назад... Тут — боль от любви, не нашедшей своего исполнения... Глубина щемящей тоски о том, что жизнь желает бесконечности, а между тем, она проходит так невыразимо скоро... Вина, на которую тут сетует сердце, проникает в очень большие глубины. Она означает не только, что сделано было неправильно, означает не только моральную неправду, но и вину против жизни. В ней глубина и грусть, которые гораздо больше всяких других.

Может быть рассудок будет стоять на своем и скажет: „Все-таки это было правильно, по таким-то и таким-то причинам. Так должно было быть!”. Может быть совесть будет обороняться, заявляя: „Я же хотел добра, так-то и так-то!”. Но все это не ведет ни к чему. Обвинение сердцем приходит из такой дали, куда не достигает подобная сомозащита.

Но самое настоящее еще не сказано:

По-настоящему, Тот, Кто обвиняет при обвинении сердцем, это — Сам Бог. Неправда сделана по отношению к Нему. Она сделана по отношению к святой и хрупкой жизни, которую Он пробудил в сердце, — по отношению к святому упованию, которым Он связал с Собою Свое детище... Разве может человеческая самозащита простереться досюда?

Что же тут делать?

Святой Иоанн говорит: „Если сердце наше осуждает нас, то Бог больше сердца”. Слышишь, откуда приходит ответ? Слышишь, что он приходит из той же глубины, откуда и само обвинение?

Тут не говорится: „Ты поступил правильно!”. Или: „Ты хотел добра!”. Или: „Мужайся!”. Ничего такого. Тут говорится: „Бог больше сердца нашего”.

Наше сердце велико. Это во-первых, и замечательно, что об этом здесь сказано. Бездонная глубина того, что звучит в таком обвинении, здесь выявляется. Сердце должно говорить. То, что оттуда подымается, должно встать во весь свой гигантский рост. Но Бог еще больше этого. Велика потеря, когда теряется живое. Но Бог больше... Тяжесть оскорбленной любви так велика, что под ней можно потонуть. Но Бог — то безбрежное море, в котором всякая тяжесть стано-

вится легкой... Неправда, содеянная против жизни, велика. Но всего больше Бог, Он — Творец и Он есть Жизнь и Милосердие... Святыня, подвергнутая поруганию, есть престол славы Божией; уязвлено было доверие Бога к человеку, и это страшно. Но больше этой неправды Он Сам, Его великодушие и Его Творческая любовь.

Здесь не говорится : „Утешься, это было не настолько уж плохо”. Не говорится : „Ты можешь все это принимать не так тягостно”. Бог здесь говорит : „Признай всю тяжесть всего этого. Тогда Я встану рядом. А Я — Бог”. И тогда произойдет то, что всегда происходит, когда Бог встает перед Своею тварью : тварь становится, с прозрачною ясностью, самою собой. Человеческая тяжесть растворяется. И все оказывается свершенным.

Изречение Святого Иоанна несказанно глубоко. Уже не в первый раз я им проникаюсь. Его глубина — не в том, что доступно мышлению. Она появляется из чего-то иного. Ее невозможно измерить и поэтому она всегда сохраняет свою новизну.

Продумаем действительно эти слова : „Если сердце наше осуждает нас, то Бог больше сердца нашего”. После этого, чего мы ожидали бы? Приблизительно следующего : „Он утешит”, или : „Он облегчит боль”. А вместо этого стоит : „и Он знает все”.

Это знание — ясное как солнце и им все вводится в полноту истины Его бытия. Это знание глубоко как море, в котором тонет все. И ему присущ бесконечный охват всеосвобождающей любви.

В каждом утверждении — глубина. Мысль идет все дальше и дальше и не достигает никакого конца. Но самая глубина в том, как именно расположены эти три предложения и как они сочетаются между собой. Тут всякий рассудок отодвигается прочь и только сама Божия тайна звучит в своей изначальной чистоте.

Если вообще хотеть говорить, а не только прислушиваться в глубочайшем молчании сердца, то может быть дозволено сказать : есть ответ на каждый настоящий, жизненный вопрос, и ответ этот в том, что Бог есть Бог. Это — последний ответ, самый настоящий ответ, дающийся верой. Все предпоследние ответы гласят : это так, потому что было то; происходит это, потому что то подействовало; это должно быть, потому что это необходимо для того-то. Все такие от-

веты сами по себе хороши ; но каждый из них влечет за собою новый вопрос. И есть только один ответ, который, когда он действительно дан, действительно отвечает на каждый вопрос, потому что всякое вопрошание им упраздняется : это, когда перед вопрошающим сердцем встает Бог. Бог есть Тот, Кто Он есть : вот ответ на все.

Да пошлет Он нам дар постигнуть сердцем, Кто Он есть.

ДОЛГОТЕРПЕНИЕ БОЖИЕ

В человеческом языке существуют глубокие слова. Они сберегают постижения сущности вещей и закономерного течения жизни. И не только постижения, но и опыт. Ибо своим содержанием они не только устанавливают, что есть то-то и то-то, но и видят это; в них не только наблюдаемая, но и переживаемая жизнь. Среди этих слов есть и несколько особенно глубоких: это — имена Божии.

Часть их мы получили от Него Самого; они представляют собою откровения, посредством которых Он нам говорит, Кто Он, и вкладывает нам в уста те именно слова, которыми мы должны Его призывать. А так как сущность человека лежит в Боге и человек становится вполне человеком тогда, когда он прилепляется к Богу, то в именах Божиих содержатся вместе с тем и откровения о человеке.

Например, если говорится, что Бог есть „ Тот, который видит”, то бывали просветленные люди, которые при этом чувствовали на себе Его взор. Они чувствовали, как Его взор проникал сквозь их существо, лежавшее перед Ним как раскрытая книга. И они познали Его как Того, для взгляда Которого не существует никаких стен. Они узнали, что человек под взглядом Божиим бывает так, как он бывает под ярким светом, что это видение Божие одновременно и судит, и созидает, что оно ужасает, но вместе с тем и освобождает. Об этом мы уже говорили; мы видели, как согласно библейскому повествованию Авраам, получив назад своего сына уже возложенного на жертвенник, излил беспредельность своего сердечного избавления в выражении: „ Бог видит”. Или вспомним 138-й псалом, где говорится о том, как молящийся находит несказанное утешение в мысли, что всюду, куда бы он ни пошел, взор Божий видит его насквозь. Бог есть Видящий, а человек есть тот, кто охвачен Его взором.

Другие имена Божии произросли из самого человеческого сердца. Конечно, сердца людей были научены Богом, так что и тут это — Его дар. Об одном из них мы теперь и поговорим, — о том имени, которое, возникая из очень глубокого

внутреннего опыта, называет Бога Господом Долготерпения.

Долготерпение Божие составляет немалую тайну. Что оно может означать? Но тут нужно сначала спросить к чему именно Бог долготерпелив.

Со ступеньки на ступеньку, ответ идет все дальше в глубину: Бог долготерпелив по отношению к творению, внутри творения — к человеку, а среди людей — лично ко мне; только тут ответ доходит до самого настоящего.

Когда Бог сотворил мир, он не сделал его законченным, как человек заканчивает изготавливаемые им предметы своего обихода. Когда такой предмет изготовлен, он таков, каков он есть, и остается только содержать его в порядке. Богу же было угодно, чтобы мир завершал себя на протяжении долгого, неизмеримо долгого времени. И долготерпение Божие есть та сила, которою Он охватывает эту для нас непостижимую протяженность времен, и ею Он ведет Свое творение к совершенству.

Представим себе ребенка, который получил от матери в подарок растение. Когда появляются почки, ребенок неспособен подождать, пока из них распустятся цветы. Он старается помочь делу, тербит почки, а то даже отрывает наружные листья, чтоб было скорее. На почках появляются темные пятна, они хиреют и гибнут. Так поступает человек. Его существование быстро течет и утекает. Ему некогда. Поэтому ему хочется, чтобы все делалось быстро. Но у Бога есть время. Он стоит над временем. Он вечен. Вечность Ему присуща. Он творит время. Время присуще сотворенному. Поэтому Бог может ждать, пока всему придет свое время, — то время, которое Он Сам для всего установил. Человек хочет всего сразу; Бог знает, что все всегда приходит только одно за другим. Поэтому Он все оставляет в покое, в свободе, каждую вещь самое по себе. Ученые могут сказать, сколько времени существуют горы, сколько времени потребовалось для того, чтобы базальт стал вытекать расплавленной лавой из недр земли и затем застыл в огромных горных массивах. Они могут рассказать, сколько надо было времени, чтобы жизнь развилась сквозь долгий ряд превращений. Бог же охватывает все это в тихом спокойствии Своей вечности. Он может долготерпеть.

Бог создал мир таким, что все в нем существует не сразу вместе, а каждая вещь сама по себе и в свое время. Каждая из них появляется не когда попало, а тогда, когда

осуществились предпосылки для нее, не где попало, а на своем месте, в общей связи бытия.

Мудрость в том, чтобы знать, когда для чего приходит время. Многие люди до этой мудрости не достигают никогда. Другие до нее достигают лишь поздно. И почти никто не достигает вполне. Ибо человек живет среди беспорядка, а непорядок порождает нетерпение. Человеку хотелось бы иметь каждую вещь в подходящем ему виде, а вещи тем временем портятся. Вот книга, которая его интригует, он за нее хватается, но он к ней не подготовлен — и чтение оказывается бесполезным или вредным. Его осенила мысль и ему хочется, чтобы и другие ее понимали; но для этого еще нет предпосылок и он создает одну только путаницу. Его подмывает что-либо сделать; но он не дает плану созреть, не проводит правильной подготовки, ничего не прорабатывает в глубину — и все остается наполовину недоделанным, непрочным, внутренне несостоятельным... Мудрость и долготерпение — одно и то же. У человека нет ни той, ни другого.

Бог Своею сущностью подобен свету и вместе с тем в Нем — полнота всех возможностей. Он Сам — живой и мудро-святой порядок. Поэтому Его радует, что все имеет свое время и свое место, как подобает. У Него есть великое творческое долготерпение, доводящее до полного созревания смысл каждой вещи.

В мире, сотворенном Богом, существуют люди, а вместе с человеком существует свобода. Свобода, врученная такому существу, которое может заблуждаться. Поэтому свобода может стать злой и неразумной.

Это и произошло. Человек согрешил. Его первое злое дело было отказом в послушании, бунтом, злой нетерпеливостью. Он хотел быть как Бог. Он был сотворен по образу Божию и был предназначен, по свершении своей жизни в общении с Богом, „стать причастным божественному естеству”. Тогда он и стал бы „как Бог”, — в дальнейшем, после своего испытания и силою Божией благодати. Но он хотел этого сейчас же, притом хотел этого достичь своею собственной силой и по собственному праву. Так он лишился того, чем он был, и пал ниже самого себя. В мире появился грех и он портит дело Божие.

Как поступил бы человек, если бы по отношению к нему сделали то, что он сам сделал по отношению к Богу? По всей вероятности, он поступил бы так, как те боги, которых

он для себя изобрел по своему сердцу: он низверг бы преступника в преисподнюю и оставил бы его погибать. Слава Богу, что Он не таков, каким Его представляет себе человек!

Что такое Божие долготерпение, становится вполне ясным только тогда, когда оно применяется к человеку. Ни на мгновение Бог не дал человеку выпасть из Его любви. Он его удержал. Обетовал ему спасение. Долгое, безмерно долгое время Он дал человеческому роду изведать то, что было содеяно людьми, и этим подготавливалось их обращение. Бог посылал Своих вестников, увещавать и возвещать, пока не пришла полнота времен; тогда Сын Божий стал человеком и принес с Собой безграничные возможности отныне открытого Царства Божия. На это люди ответили вторым прехопадением. „Был свет истинный... в мире был... и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли”. И снова гнев Божий не возгорелся. Он не дал миру погибнуть вследствие его деяний, наоборот, из того, что мир сделал с Его Сыном, Он извлек спасение мира через искупление.

Отныне Христос продолжает жить в мире. Он действует в нем. Борется за сердца людей. Снова человеческое хотение переплетается с Его святой волей в отчаянный клубок. Но Бог не уступает. С необоримым долготерпением он продолжает действовать в чреде времен.

Как человек поступил бы с людьми, если бы живая Истина была в мире, а они ее все время предавали бы? Все зло, в нем самом содержащееся, поднялось бы в нем и прорвалось бы гневом на преступников. Он бросился бы на других, возненавидев в них свою собственную слепую, бунтарскую душу. Терпения у него не было бы!

Человек — грешник, оттого и нет у него терпения. Ибо грех есть бессилие и насилие в одно и то же время. Бог же чист. И силен. Поэтому Он может быть милосердным. Он может видеть зло, осуждать его — и оставаться спокойным. Он может даже в злом деле увидеть искру добра и о ней позаботиться. Долготерпение Божие есть сама Его благодать.

Люди не могут вести даже своих собственных дел, даже своей собственной жизни! Ведь как бывает с человеческими делами? Их начинают, с самого начала в них таятся ошибки, потом эти ошибки сказываются и скоро все рушится. Глубокие постижения оказываются связанными с заблуждениями и от этого гибнут. Начинания, которые должны были бы

созревать долгое время чтобы достичь полной меры развития, лишаются корней и увядают. Событие, которое кажется благотворным, развивается, люди надеются на его счастливое завершение; но вторгается злая случайность, и все расстраивается. Отношения между людьми пересекаются так, точно каждый живет не с другими, а вопреки всем другим. Чистота дружбы не удается почти никогда. Любовь почти никогда не достигает своего полного величия.

Все это Богу не безразлично. Не для того же он создал мир, и в мире людей, чтобы они там возились как дети в песке, независимо от того, что из этого получится, — лишь бы только не хулиганили! Дела людей ведут творение дальше на путях свободы. Развитие мироздания протекает в нескольких плоскостях: то, что протекает в природе, подчинено законам природы, и как это происходит, так это и должно происходить. Но есть другое — духовность, нравственность, собранность — и это все может исходить только из свободы. Это все вверено человеку и им должно правильно вершиться. Такова воля Божия. Тут дело идет о Его творении.

От человека требуется вовсе не только быть паинькой, а в остальном делать что угодно, — он должен правильно делать свое дело. Таково первое подтверждение его нравственной устойчивости, которого требует от него Бог. Такова та доброкачественность, которая для него обязательна, — серьезность отношения к своему делу в мире: он призван право править Божиим творением и правильно его продолжать. Но как же человек с этим обращается! Как он с этим играет! Как опустошительно он действует в творении! Как позорит Божий мир!

Бог видит эту смуту, а долготерпения Своего не теряет. Как поступает учитель, если ученик все время портит ему инструменты и материал? Он бранит, наказывает и в один прекрасный день прогоняет ученика. Он не может позволить себе терпеть до бесконечности, потому что он слаб, и его средства ограничены. Бог всемогущ, и Его средствам нет ни предела, ни конца. Бесконечность Его средств и Его всемогущество — это и есть Его долготерпение. Как хорошо, что долготерпение Божие так же велико, как Его всемогущество! Поэтому Он может прощать вновь и вновь. Может вновь и вновь давать срок. Вновь и вновь выводить Свое дело из хаоса человеческой свободы, чтобы оно начиналось заново.

Но пора нам дойти до самого настоящего. Мы все время

говорили о мире и о людях вообще, — а говорить надо обо мне! Божие долготерпение есть долготерпение по отношению ко мне. А что это тут означает, — на это у меня есть определенная мерка, тем более точная, чем честнее я к ней отношусь; это — до какой степени мне тяжело выносить самого себя.

Разве нельзя прийти в отчаяние оттого, что я тот, с кем мне приходится иметь дело? Все время, и всегда только я? Врачи говорят, что можно заболеть от себя самого: многие психические заболевания коренятся в том, что человек не выносит своего собственного существа и уваливает от него в некий самообман. Нередко это не ограничивается даже одними психическими болезнями. Бывает, что это приводит и к органическим заболеваниям, представляющим собою своеобразную расплату за то, что человек не справляется со своей внутренней неправдой. Человек же, не ослепляющий себя перед самим собой, не устраивающийся с мещанским самодовольством в своей собственной посредственности, знает эту боль, хотя он от нее и не заболевает в прямом смысле, — впрочем, где проходит точная граница между здоровьем и болезнью? Такой человек знает душевную тяжесть, горькую бесплодность, когда день проходит за днем, год за годом и ничего не меняется. Сколько времени я уже бьюсь над таким-то своим недостатком, а он все не исчезает! Вот могло казаться, что я с ним справился, а он опять появляется! Случалось и так, что после долгих мук, совсем по евангельской притче, появлялись семь бесов вместо одного, который был вначале!

Если подумать, что у Бога отношение к нам такое же, как у нас самих, то дело плохо. Если Его помышление обо мне не лучше моего собственного, если мои блуждания, моя неискренность, моя все время проявляющаяся несостоятельность не охватываются Им с большим долготерпением, чем мною самим, то мне останется только притти в отчаяние. Но Бог есть любовь. И в Нем мое существо более подлинно, чем во мне самом. Во мне оно испорчено; в Нем — чисто. В том святейшее долготерпение Божие, что мое существо, которое я так ужасно искажаю и так легкомысленно растрываю, Он хранит в Своей любви. В этой долготерпеливой любви Он меня видит, выносит меня и пребывает в бесконечной уверенности. Он мне доверяет, доверяет творчески, чтобы я мог продвигаться.

Мы несомненно чувствуем, что необходимо нам когда-то как-то найти выход, — выход из себя самих. Вырваться из старого к новому, к подлинному. Чувствуем, что когда-то должно притти то, что Священное Писание называет обращением, — решительный поворот к Богу. Но это не наступает, а жизнь тем временем проходит. Чем старше мы станем, тем быстрее она течет и тем труднее становится нам верить, что все это может еще измениться. И вот, может быть, самое великое в Божием долготерпении: бесконечная возможность любви и благодати, которую Он продолжает держать открытой над жизнью, упорствующей в своей трусости и быстро приближающейся к своему концу.

Понимаешь ты это? Это несказанное „все-таки“? Невозможную возможность „уповать вопреки всякому упованию“, — возможность, которая должна возникать из духа тем более чистой, чем больше тело и душа застывают по мере иссякания жизни! Возможность эта возникает только оттуда, где действует Сам Бог, Духом Святым. Тут — последняя глубина того, к чему мы взываем, обращаясь к Божию Долготерпению: чтобы, когда все другие возможности исчезают, нам оставался бы открытым Дух.

Однажды Христос шел Своим путем и увидел сбегавшихся людей. Он спросил, что происходит. Его пропустили вперед и показали Ему страдавшего падучей болезнью мальчика, к которому ученики Христа тщетно старались применить свою целительную силу. Отец мальчика в отчаянии стал просить Христа о помощи, но Господь прервал его словами: „Сколько времени Мне еще терпеть вас...“.

Что это за слова? Ради Твоей любви, Господи, не говори так! Так мы говорим — мы, люди. Наша жизнь проходит и оттого мы становимся нетерпеливыми. То, что не приходит так быстро, как нам хотелось бы, мы откидываем. Ты же вечен и у Тебя есть время... Мы хотим всего сразу, потому что не знаем, будем ли еще живы завтра. Ты же проводишь Свою волю сквозь все преходящее и тысяча лет перед Тобой, как один день... Мы неразумны и не знаем закона вещей, хотим осуществлять то, для чего час еще не пришел, тянем вещи не туда, где их место. Твой же взор проникает всюду. В Тебе все возможности и все же Ты прост и един. Ты мудр и Твоя отрада в том, чтобы все происходило в порядке... Мы грешники, полные противления и непокорности. Мы нетерпеливы к другим, потому, что видим в других свое соб-

ственное зло, с которым не справляемся. Ты — Святой и Чистый. Ты можешь видеть зло и желать добра. Можешь ждать и давать срок. Ты можешь извлечь семя из грозящего ему тления и можешь даровать ему рост. Ты пребываешь в спокойствии бесконечной свершенности. Поэтому — будь к нам долготерпелив.

На Твое долготерпение мы будем уповать вопреки нам самим. Оно сильнее нашей путанности и греховности... На Твое долготерпение мы будем уповать вопреки Тебе Самому, вопреки Твоему праву. Ибо если бы Ты сказал: Теперь довольно, — то кто мог бы что бы то ни было против этого возразить?

Вера

КАК УЗНАЮТ О БОГЕ

Мы уже немало размышляли о Боге Живом, разобрали уже не мало мест Священного Писания, говорящих о Нем. При этом едва ли не возникал уже один вопрос, которым мы теперь и займемся: как появляется у нас знание о Боге Живом? Как постигаем мы Его?

Одно ясно, как будто, с самого начала: что для этого недостаточно одного отвлеченного мышления. Работой одного рассудка нельзя дойти до живого познания Бога. Если такая работа проводится искренне, она может оказать в этом отношении хорошую, честную услугу; но подлинное постижение Бога Живого никогда не будет плодом одного только мышления.

Но бывает и живое мышление. Это значит: такое, которое возникает из жизни и к жизни же опять приводит, истолковывая жизненный опыт, устанавливая связь между его отдельными данными, углубляя их и давая нам способность обогащаться новым опытом. Такое мышление, которое само поддерживается, понижается и направляется всеми силами человеческого существования, созерцанием, совестью, потребностями, предчувствиями, опытным познанием действительности и всем тому подобным. Когда самое сокровенное в нас, наше сердце, готово, тогда мы открытыми духовными глазами смотрим на все, что есть и что происходит, и замечаем в этом Великого Иного. Все указывает на Него. Только в Нем сходятся все линии бытия, причинности, мудрости, выразительности, образности, запросов и смысла. Такое мышление может, действительно, привести к Богу. Да и то, что мы здесь пытаемся сделать, — что это, как не мышление именно такого рода? Пусть только оно будет подлинно живым, — живым перед Богом!

Что Бог есть Бог Живой, это — истина, которая улавливается самой нашей жизнью, пронизанной Его благодатью. Рассудок же перерабатывает эти данные опыта, приводит их в порядок, освещает их, проверяет, отдает себе отчет в них и отстаивает их.

Способы, которыми возникает этот опыт и производится эта переработка, так же многообразны, как отрасли самой жизни. Если мы спросим выдающихся верующих людей об их опыте и если спросим самих себя о малом опыте, который нам доступен, то перед нами в особенности выступят некоторые из таких способов, которыми верующий внутренне постигает Бога Живого.

Прежде всего, есть опыт совести.

В течение дня, перед нами встают требования различного рода. Требуется исполнять различные обязанности; требуется преодолевать борения собственных страстей; требуется совершить отказ от того или другого... Мы отвечаем требованиям и тогда знаем, что выполнили свой долг. Или мы не оказываемся на высоте этих требований и тогда знаем, что провинились.

Это может происходить и без того, чтоб нам особенно задумываться над предельной реальностью, стоящей за этими вопросами нравственного поведения.

Но может настать день, когда такое требование „ Ты должен ” встает перед нами с особой значительностью. Мы чувствуем: если я здесь устою, или не устою, то последствия будут очень значительные. Это идет уже дальше „ только этического ”. Предъявляемое к нам требование содержит в себе еще и нечто иное. Последствия решения переходят в священную область. Что-то там пошатнется, если я окажусь не на высоте, что-то повредится и порвется. Если же я сумею преодолеть, то подыметесь нечто очень глубокое, нечто священо-живое. В таком требовании присутствует нечто большее, чем только „ нравственный закон ”. Тут Бог не далеко. И в той самой мере, в какой совесть не только бодрствует, но и проникается благочестием, — всякий нравственный долг начинает восприниматься как побуждение Всесвятого Бога. В голосе совести говорит Бог Живой. Побуждение к решению, дающееся совестью, есть побуждение к Богу. Действие, которого требует совесть, есть святое действие. Оно должно дать простор для того, чтобы Бог вступил в круг нашего существования и приобрел бы нас для Своего Царствия.

Существует еще другой путь богопознания: через жизнь, какой она складывается. Вокруг нас непрерывно происходят различного рода события. Разные люди приближаются к нам и снова уходят. Нам приходится иметь дело с самыми различными вещами. Те или иные происшествия откуда-то вторга-

ются в наше существование, действуют в нем, их последствия развиваются дальше, сказываются тут или там, и т. д. Происходят непрерывные переплетения, соприкосновения, мы сами влияем и подвергаемся влияниям.

Чаще всего это не наводит нас ни на какие особые мысли и если мы отделяемся без ущерба для себя, если держимся и сохраняем возможность заниматься своим делом, то нам и не хочется ничего большего. Но может также случиться, что при тех или иных обстоятельствах мы за всем ходом вещей почуем нечто особое: все это не только происходит, не только случается со мной и не только проходит через мое существование, но и имеет отношение ко мне. Это ко мне приходит. Это каким-то образом имеет меня своей целью. При том или ином событии я могу заметить, что оно приносит некое решение, подсказывает мне нечто очень важное, приводит к существенному выводу. Бывают обстоятельства, при которых я оглядываюсь назад и тогда замечаю внутреннюю связь в долгих отрезках моей жизни, вижу, как люди, события и условия складываются в одно целое и как обрисовывается единый жизненный образ.

Все это отнюдь не само собой разумеется. Можно и возразить: „Все это только попытки истолкования задним числом. Все протекало так, как было неизбежно. Но твоя жизненная воля ищет себе подтверждения, поэтому она все это относит к себе и хочет во всем этом найти внутреннюю связь, которой вовсе нет!“ Ответить на это не легко, потому что в этом возражении есть большая доля правды, на которую нельзя честным образом закрывать глаза, чтобы не поддаваться самообману. Но это только предпоследняя правда, а не последняя. И при всей своей ясности, взгляд, который тут проявляется, — только наполовину зрячий. Как только внутренняя готовность высвобождает в сердце большие глубины, как только открывается духовное око, мы обнаруживаем более существенную истину. Тогда мы видим, что те связи действительно существуют. И что за ними стоит не только закон природы, не только немая необходимость, но и осуществляемый замысел совершенно иного происхождения, — благость и мудрость и кротко-могучая милость. Это — именно тот опыт, которому Христос дал словесное выражение, говоря об „Отце Небесном“ и о Его промысле.

Орган же, посредством которого человек тут узнает о Боге Живом, мы назовем чувством жизненной связи; это —

ощущение того, что порядок существует, что он имеет вполне определенный Источник и что, в конечном итоге, это — порядок священный.

И еще есть одно богопознание: через тоску.

Мы жаждем полноты существования, творческой силы, подлинных ценностей. У нас есть потребность в глубокой и любящей охране, в чистом счастье, которым мы хотели бы насытиться, — и какими бы мыслями и словами мы ни выражали предмет нашей тоски, он всегда больше того, что мы в состоянии выразить. Тоска — она же может быть названа любовью, ищущей достойного ее предмета, вернее даже того, что вообще только пробуждает любовь для ее полного удовлетворения в дальнейшем, — тоска ведет свои поиски сквозь наше существование. Она подходит к вещам и испытывает: „Ты ли это?“ И те должны признаться: „Нет“. Тоска в своих поисках наталкивается на вещи, на дела, на людей и в конечном итоге они поддаются. Она взвешивает и в конечном итоге все оказывается слишком легким. Вещи, дела, люди, — в конечном итоге не удовлетворяют ничто.

Это может от усталости привести к отказу, может привести к безнадежности, старающейся заглушить себя в наслаждениях, или к озлобленности, оборачивающейся против всего. Но бывает и так, что человека, переживающего этот опыт, вдруг осеняет: все-таки должно существовать то, чего я ищу! И оно не только больше всего, что может дать мир, не только крупнее, или лучше, или прекраснее, оно — иное; неведомое и вместе с тем близкое, тайное и однако предчувствуемое, оно — по ту сторону и вещей, и дел, и людей; оно — наверху.

Как только тоска так оторвется от вещей и поднимется над ними, как только она расширит себя таким чистым ищущим запросом, она уже будет у Бога. Так искать значит уже найти, потому что такое искание и такая удовлетворенность вызываются никем иным как Самим Богом Живым, Который таким образом привлекает человека к Себе.

В такой, себя расширившей, тоске мы постигаем Бога. Постигаем хотя бы уже только в самом этом расширении тоски. Но Бог есть Тот, Который нас встречает, и Тот, Который насыщает нас.

Скажем, наконец, еще об одном пути богопознания, может быть самым ценном. — Это простое знание: Бог тут.

Говорить об этом не легко, потому что, собственно,

сказать об этом нечего. Речь, ведь, не о том, что Бог — такой-то или такой-то, не о том, что у Него те или иные свойства, или, что Он делает то или иное. Тут не в этом самое настоящее. А просто : Он здесь. И также : Он есть Он.

Как Его тут постигают ? Можно воспользоваться сравнением :

Я нахожусь в одной комнате с другим человеком, с которым у меня есть внутренняя связь. Я чем-то занят, он тоже. Мы ничего не делаем вместе, даже не разговариваем друг с другом, даже друг на друга не смотрим, и, однако, я знаю : он тут. При всяком деле, при всяком слове, при всякой мысли сохраняется простое, неизменное сознание : он тут... и он есть он... и это все то же самое. Так приблизительно и здесь.

Это сознание может выражаться двояко, как пустота и как полнота. Бывает, что нет ничего — не будем пугаться кажущегося противоречия : простой логикой тут ни до чего договориться нельзя. Сердцу не хватает, оно требует, а вокруг пустота. Все чувства прислушиваются, а вокруг все молчит. Но у этого „ничего нет”, у этих пустоты и молчания где-то имеется центр. И над ним стоит некий неуловимый образ. Там что-то ждет. И это — место Божие. Он там, тем самым, что Его „там нет”. Сердце тем Его постигает, что сердцу Его не достает. Так оно узнает о Боге, что **не** есть Он : не человек, не земная судьба, не ощущение мира. Узнать, что не есть Он, и чувствовать величие недостающего — это болезненно, но в этом есть и подлинное блаженство. А потом может случиться, что после долгого ожидания что-то начнет чуть-чуть меняться. Это уже не „ничто”. Уже „нечто”. Не надо при этом представлять себе какие-то особые переживания, свет или жар или силу. Не следует терять того, чему мы научились в школе „Нет”. Вовсе ничего особенного не случилось — всего только на месте того постоянно ощущавшегося недостатка появилась мягкая наполненность. Что это такое, невозможно сказать. Однако, Он тут. И Он есть Он.

Уж совсем трудно назвать орган, посредством которого это воспринимается. Крупнейшие духовные писатели говорят об „острие духа”, о „дне души”, о „душевной искре”. Все это — глубокие образы, но тогда лишь понятны, когда то, что они подразумевают, уже пробудилось.

Существуют, без сомнения, и разные другие пути к постижению Бога. Мы здесь говорили лишь о немногих. Они уже могут открыть нам глаза на эти святые и тончайшие вещи.

Постигая Бога через совесть, через смысл существования и промысл, через тоску или, наконец, через простое присутствие, мы Его познаем по-разному, с разной силой и разными частями своего существа, так, что в частности это познание вряд ли даже можно определить точно. По всей вероятности, правильно и благочестиво будет сказать : мы — Божие создание; Он же есть Тот, Который есть и Который жив. Он нас создал и Он пронизывает нас Своим действием и держит нас. Наша сотворенность есть как бы то „место”, откуда идет наша связь с Ним, потому что именно там Он и отличается Своею силою, как Господь и Творец, от Своей твари, и вместе с тем любит эту тварь и охватывает ее Своей благодатью. В живом и чистом переживании своей сотворенности мы угадываем Того, Кто нас сотворил. В живом и чистом переживании конечности и ограниченности своего существования мы угадываем Того, в Ком мы имеем свое бытие. Того, Кто стоит по ту сторону нашей ограниченности и сам эту границу превращает в близость Своей любви.

Можно спросить : ведь Бог есть, и Он всемогущ; как же тогда я Его не постигаю опытом своих чувств ? Почему не постигаю Его так с большею даже силой чем все остальное, более непосредственно, чем себя самого ? Ответом на это может быть только : потому, что я тварь. Ведь Он — бесконечный, Тот, к Кому неприменимы никакие мерки; Он один может сказать : „Я есмь Сущий”. Моя предельность, я сам — вот тот покров, который от меня скрывает Бога. Но если я сам являюсь Божьим покровом — от одной этой мысли сердце может забиться сильнее — то это означает, что Он находится по другую сторону моей ограниченности !... Но тут вклинивается страшное возражение : не только то, что ты ограничен, отделяет тебя от Бога, не только то, что ты представляешь собою кусочек мира, приводит к тому, что Он, „Живущий на небе”, „в непреступном свете”, для тебя недоступен, — но еще и то, что ты грешен. Это делает из тебя не только покров, скрывающий Бога, но и превращает тебя в „тьму”, неспособную „объять” Святого. Это верно, — конечно. И все-таки, все-таки ! Я — Его создание, Его образ, несмотря на все грехи; и искупление произошло; и благодать Его действует. И чем чище я воспринимаю свою ограниченность, чем глубже я смиряюсь сердцем, чем искреннее я каюсь в своей греховности, тем скорее может мне быть даровано почувствовать и постичь „ту сторону”.

Могут найтись люди, которые скажут: Мне обо всем этом ничего неизвестно. Верно, что у меня есть совесть, и я чувствую ее вескость, но я это ощущаю только как этический долг, — не как голос Божий... Что есть некоторый порядок в существовании, я знаю, но следует думать, что это — порядок природы, где ничего не происходит без причины. К этому добавляется, по всей вероятности, сила жизни и утверждающей себя личности, стареющей в таком порядке расположить вокруг себя всю путаницу событий, чтоб она могла чувствовать себя не беззащитной... Как бы ни были случайны, произвольны, даже злостны те или другие события, личность старается их перетолковать до тех пор, пока, согласно ее предвзятому желанию, не появится во всем этом некий налет смысла... Верно, что есть тоска, но это именно — всего только тоска, в которой проявляется желание жить полной жизнью... Что же касается того переживания простого присутствия, то об этом мне окончательно ничего не известно. Свое существование я ощущаю, как и существование вещей, может быть даже смутно чувствую за всем какую-то связь, — но это же еще не Бог!

К таким возражениям нужно относиться серьезно, очень серьезно. Выражающееся ими честное отрицание ценнее всякой чувствительности, претендующей на обладание тем, чего у ней нет. Но ошибкой было бы считать окончательным то состояние, из которого эти возражения исходят. Знание о Боге есть нечто живое. А все живое растет. Вера нас учит тому, что есть Бог и что мы способны Его познавать. Нам остается уповать и оберегать свою внутреннюю восприимчивость к священному.

Нужно молиться о познании. В Священном Писании повторяется все время: „Сними покров с моих очей“, — „раскрой мне разум“, — „прикоснись к моему сердцу“, — „вместо сердца плотского дай мне сердце живое“, пробужденное действием Духа и поэтому способное чувствовать... Все время говорится о свете, который нам обещан и в котором действительность Бога станет явной... Все время говорится о близости Бога и о жизни в близости к Нему, о Его лице, который Он нам явит и которым мы тогда будем жить... Ведь не одни же только слова все это! Это — подлинные обетования, говорящие нам: ты можешь постичь действительность Бога, — проси об этом. „Просите и получите“ — это евангельское изречение ни к чему не относится так, как к высшему из всех даров: живому познанию Бога.

И мы должны бодрствовать. Бодрствовать, прислушиваясь в сторону Бога. Seriously относиться к своей совести, но в особенности обращать внимание на самую ее глубину. Жить своей повседневной жизнью, но быть готовыми к тому, что в ней нам может открыться замысел и промысл. Вести свою жизнь, быть с людьми и с вещами, но прислушиваться на ту сторону, — не возвестится ли то тихое и нежнейшее: близость Бога.

А в остальном — ждать.

ЦАРЬ, ДЛЯ КОТОРОГО ВСЕ ЖИВО

В заупокойном богослужении Западной Церкви есть такие слова :

„ Царю, для Которого все живо, Ему помолимся ”.

Велика эта мысль : Бог — Тот, для Которого, ничто живое не живет вдали от Него. Ничто предназначенное к жизни для Него не умирает. А что может жить, приобретает в Нем полноту жизни.

Бог есть Бог Живой и Он полон несказанной жизненной мощи.

Можно быть живым в разной степени. Возьмем несколько разных людей. Все они живы, — поскольку не умерли. Но в одном жизнь тощая, — способность к восприятиям скудная, страстность тусклая. В другом жизнь горит, — его горести могучи, радости — яркий взлет. Иной человек остается теплохладным, что бы ни происходило с ним. Все ему невесомо, любое событие ему кажется бледным. А других людей все захватывает, — каждая вещь звучит, сверкает красками, несет в себе силу, содержит радость или вызывает боль.... Есть много степеней жизненности. И иногда встречаются такие люди, что глядя на них постигаешь, что такое, собственно, — жизнь, до того глубоко их существо, так велика их способность наслаждаться, так утончена и сильна их способность страдать, до такой степени они своей сутью присутствуют во всей напряженности существования... Бог же жив как никто другой. В Нем нет ничего мертвого. Все в Нем не только „ имеется ”, а живет, действует и владеет самим собой. Никакого мертвого груза, — все свободно витает в яркой напряженности. Ничто не спит, — все горит в едином, всеобъемлющем, бесконечном жизненном акте.

Но и это все — только еще восприятия человеческого мышления. Подлинная жизнь Бога — Его святость; Он свят, и в этом Его жизненность, Ему наиболее присущая, — та, которая проявляется в Откровении, в пророках, во Христе. Та, которая прикасается к человеческой душе при подлинной встрече с Богом.

Люди рождаются, вырастают, имеют свои радости и горести, свои судьбы, трудятся, борются, развиваются : все это происходит в Боге.

Он их создал и Он вложил в них их силы. „ В Нем мы живем, и движемся, и пребываем ”.

Когда мы радуемся, Бог Живой в этом присутствует. Он знает о нашей радости и она к Нему обращена. Когда мы страдаем, мы — Его создания. А Его создания Ему не безразличны. Страдание обращено тоже к Нему.

Когда мы заняты своим делом, это — дело, Им порученное нам. Ему не безразлично, как столяр делает стол, как мать ведет свое хозяйство, как врач лечит больных. Существует дурная религиозность, воображающая, что она возвышает божественное, принижая земное. В ней сказывается загнанное внутрь вождление земного и расплата за это. Нет, земные дела не ничтожны. Они не безразличны, и уж совсем не безразличны Богу. Ибо Бог сотворил мир, „ чтобы он был ”. И Бог увидел, что в мире все было „ хорошо весьма ”. Ему угодно, чтобы все и оставалось хорошим, и Он божественно скорбел, когда в то благое, что Он создал, ворвался прех. Для Него это было так важно, что Он „ послал в мир единородного Сына Своего в умилоствление за грехи наши ”. Свое дело Бог передал в человеческие руки, чтобы люди его берегли и продолжали и хорошо завершили бы по Его воле, Ему на радость, а себе самим на осмысление своего существования. Таким образом, Бог с нами, когда мы делаем свое дело, в чем бы оно ни заключалось. Делать мы должны для Него и вместе с Ним. Для Него живо наше дело.

Люди встречаются, соприкасаются друг с другом, пробуждают друг друга к жизни и расширяют рамки существования один для другого; они борются между собою и через это тоже растут; они объединяются между собою в верности и в любви, в общности судьбы и творчества — и во всем этом присутствует Бог. Они — Его дети. Он вызвал их к существованию. Ему угодно, чтобы они росли, один благодаря другому, и вследствие этого „полнее воздавали бы Ему хвалу”. Человеческое общество живо тоже для Него.

Он нас побуждает нашу совестью. Только в свободном делании может быть место для святости. Бог призывает человека, чтобы тот в своей свободе дал Ему место. Когда человек не на высоте, Бог его судит через его совесть. Но и при этом суде Ему угодно, чтобы человек был жив. В своей вине человек

чувствует поврежденным глубочайший нерв подлинной жизни, блага бытия, единства с вечной святостью. Бог дает ему это почувствовать. Но Он хочет „ не смерти грешника, но да обратится и да будет жив ”. Бог не отсекает. Он говорит : ты стал виновным; но у тебя есть еще путь. Через твою вину этот путь стал другим, но он остается путем. Прими вину на себя. Ответ за нее. Преодолей и иди дальше вперед ! — Когда же человек поступает по правде, Бог одобряет его и это внутреннее „ Да ” содержит в себе блаженство божественно-святой жизни. Бог в этом живет Своей жизнью, и в этом живет и растет свободное создание Божие.

Благодатью же Бог дал человеку участие в Своей собственной жизни : возродившись в лоне Божиим, верующий живет потоком божественной жизни и именно в нем становится вполне и по-настоящему самим собой.

Это так : Бог есть Бог Живой и для Него все живо.

Но вот приходит смерть.

Бывает смерть завершающая. Как говорится, человек умирает тогда „ своей ” смертью. Умирает так, что эта смерть — как бы плод его наиболее подлинного существования, которое тут и созревает окончательно. Такая смерть — редкий дар. Но и тут стоит вопрос : почему вообще жизнь должна приходиться к концу ?

Бывает и смерть разрушительная. Молодое существо расцветает, все в нем готовится принять полноту жизни и эту полноту проявить, и вот приходит смерть. Что может означать такое обрывание ?... Человек нужен другим, он им служит поддержкой и защитой, он необходим для их личного существования. И этот человек исчезает... Или человек рос у нас на глазах, мы видели, как развивались его силы, как он приобретал познания, учился владеть вещами, сознавал все яснее свою задачу, накапливал опыт, и в нем уже проявлялось все то, что нужно для высокого творчества. Он дал бы очень многое, но его жизнь оборвалась преждевременно...

Обо всем этом тяжело думать. Еще тяжелее от этого на сердце. Не отрицается ли тут сама жизнь ? Нет ли тут какого-то провала в жизни Самого Бога ?

Вера нам говорит, что в смерти Бог дает жизни ее настоящее свершение.

Вера говорит : как бы ни складывалась жизнь человека, ее мера установлена Богом, Который „ не смерти хочет, но жизни ”. Что дано человеческой жизни, то и есть ее мера. И

то, что казалось внезапным отрывом, было только проявлением этой меры. Перед Богом, каждый человек умирает „ своей ” смертью, той, которая вытекает из его жизни и ей предназначена. С точки зрения человеческой, это может быть завершением или внезапным отрывом. Но тут перед нами — тайна Божиего знания.

Когда же человек умер, он предстает перед Богом. Тогда спадают все покровы. Бог везде и однако Он людям далек. Он далек человеку из-за того, что человек из себя представляет. Мое бытие и бытие вещей показывают мне образ Божий и о Нем говорят, но они же и скрывают Его от меня, закрывают мне доступ к Нему. Это бытие разбивается смертью. В смерти происходит чудо вторжения Бога. Бог Сам срывает покровы. Вера говорит, что это — чудо благодати : Бог раскрывает Свое присутствие. Согласно нашей вере, смерть есть Божия милость. Она означает, что Бог раскрывает Себя.

И вот человек стоит перед Богом. Одним тем фактом, что человек умер, он еще не стоял бы „ перед Ним ”, потому что никакое состояние, ни жизни, ни смерти, само по себе еще не означает раскрытия Бога. Но от Бога исходит благодатный дар Его раскрытия. Человек стоит перед Богом и все его существо начинает гореть как стружка, которую держали бы в невиданном пламени. Она воспламеняется к подлинной жизни.

Все мертвое уничтожается. Ведь мы, живые, не полностью живы. Многие мы всего только тащим на себе. Внутри у нас немало мертвого груза. Вот мы что-то сделали, и как часто нам приходится браться за сделанное сызнова, чтобы оно стало действительно нашим. Вот с нами произошла неприятность, но она только скользнула по нам. Как часто приходится нам сидеть с другим человеком, рассказывающим нам свои горести, и при этом чувствовать с отчаянием свою собственную отупелость. Мы живем лишь отдельными взлетами... Здесь же все сразу вовлекается в высшую жизненность. Что не живо, то сгорает. Сгорают все корки, все окаменелости. Все, что атрофировалось, начинает шевелиться. Все, что было придавлено, начинает дышать свободно.

Вина становится явной и раскаяние — безмерным. Но что такое христианское раскаяние ? Бог судит человека, и человек, стоящий перед Богом, тоже, вместе с Богом, судит себя самого. Святость Божия раскрывается с такой несслыханной мощью и с такой несказанной красотой, что человек

измеряет себя самого мерою божественной любви. Измеряет во всем, также и в том, в чем он против этой любви погрешил. Он соучаствует в свершении Божиего суда, против себя самого, со страстной убежденностью. И если по милости Божией его жизнь была такой, что несмотря на все грехи ее самая сокровенная суть оставалась обращенной к Богу, то этим судом сжигается всякая вина; человек принимает на себя наказание и оно, при всей своей тяжести, становится для него напряженно жизненным. Живая святость к нему прорвалась.

„Все их дела следуют за ними”, говорится об умерших. Умирая, человек не избавляется от всего того, что он сделал, все это продолжает жить в нем. Все это остается в его живом существе, — остается, как животворящая или тормозящая сила. Все это он приносит с собой на суд Божий. Он вступает в палящий жар присутствия Божия и ” как через огонь ”, сжигающий все что не может ожить, он входит в вечную жизнь. С ним вместе проходит все, от ударов молотком, которые делал рабочий, до высших духовных произведений, и „ как через огонь ” все это вступает в Жизнь.

И мы еще не сказали самого глубокого. Верю, благодатью и нашим возрождением Бог в нашу природную жизнь внедрил жизнь иную. Эта новая жизнь сплетается с той, но она исходит от Него. Она борется с трудностями, стремится к росту, к созреванию в ясности и полноте. На нее давит старое, вина и ничтожество не дают ей развиваться, мир, со своей вынужденной, тяжкой ограниченностью, перекрывает ее. При всем этом, новая жизнь действует сокровенно, она прорывается то тут, то там, но не может вполне пробиться наружу. Но в тот миг, когда человек предстанет перед Богом, станет явным, что он из себя представляет в действительности; тогда проявится ” слава детей Божиих ”. Тогда, в освобождающем свеге Божества, внутренняя новизна торжественно вырвется наружу: „ день рождения ” — так древняя Церковь называла смерть.

Бог есть Царь, для Которого все живы.

Вечность есть „ вечная жизнь ”. Один мыслитель древности сказал, что она — „ всеобъемлющее и совершенное обладание никогда не кончающейся жизнью ”. Жизнь же, так переживаемая, есть Бог. Это — жизнь Бога, по благодати дарованная человеку и с его участием свершающаяся.

Нам возражают : представление о вечной жизни означает всего только монотонную тягучесть. — Не надо просто отме-

тать такие слова, надо уметь допускать то, что в них проявляется.

Если сказать человеку : тебе дан весь мир — его состав, его сокровища, опасности, великолепия, — все; дан тебе как предмет познания, — на радость твоим глазам, — чтобы ты обладал им полностью и полностью им наслаждался — и чтобы овладение им было твоей задачей и твоим делом; к этому тебе добавлен разум, стоящий на уровне такой неизмеримой задачи, — добавлена сердечная сила для ее осуществления — и полнота жизни, чтобы ты мог все это вместить в себе и переработать... о какой монотонности можно тогда говорить ?

Вечная жизнь означает : Бог дан тебе как содержание, перед которым мир — всего только одна точка, обращающаяся в ничто. Благодатью же тебе дается участие в силе Самого Бога, чтобы созерцать, любить, постигать, обладать и радоваться. К тому, о чем здесь идет речь, подходит ли хоть издалека слово „ монотонность ” и все то, что оно может означать ? Когда вечная жизнь будет бесконечным проникновением в бесконечную полноту славы Бога Живого ?

БОГ УТЕШАЕТ

Вечером накануне Своей смерти, говоря, в Своей последней беседе, о Своей величайшей внутренней тайне, Господь дал Своим ученикам следующее обетование : „ Я умолю Отца, и даст вам другого Параклета, да пребудет с вами во век, Духа истины, которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет. Не оставляю вас сиротами; (в Нем) приду к вам ”.

Это слово „ Параклет ”, стоящее в греческом тексте Евангелия, переводится на наш язык словом „ Утешитель ”. Дошло ли до сознания кого либо из нас, что это значит — что Дух Божий именуется Тем, Который утешает ?

В богослужении Западной Церкви существует замечательное песнопение — трехстишия, поющиеся за обедней на праздник Пятидесятницы. В них — свято- созидательное умиротворение и проникновенно-глубокая близость. Чтобы их понять, мы сами должны совсем притихнуть, высвободиться и слушать, присутствуя всем своим существом; тогда мы будем воспринимать их звучание.

Спокойную проникновенность латыни, продвигающейся тихую сердечную поступью, я не берусь передать на нашем языке. Это не удалось бы. Постараюсь только наметить :

Снизойди, о Дух Святой,
 И сошли нам в мир с небес
 Яркий блеск Твоих лучей !

Ты Отец всех кто в нужде,
 Ты податель всех даров,
 Светом будь для всех сердец !

Утешитель лучший нам,
 Милый гость души моей,
 Сладость и отрада !

Средь тревог — Ты наш покой,
 В знойный день — прохлада Ты,
 Осушитель наших слез.

Ты ведь всеблаженный Свет !
 О проникни в глубь сердец
 Всех кто верует в Тебя !

Без Твоих могучих сил
 Как в пустыне наша жизнь,
 Несвободна и грешна.

Освяти, очисти все,
 Все, что чахнет, оживи,
 Все раненья залечи !

Силу дай тому кто слаб,
 Дай замерзшему тепло
 И заблудшего наставь !

Всем кто верует в Тебя,
 В милосердие Твое,
 Дай в награду семь даров !

Добродетели возвысь,
 Доверши спасенье нам,
 Радость даруй вечную ! *)

Тихо течет речь песнопения. Чисто внутренним движением. Это — беседа в полголоса. Человеческое сердце, со своею болью и со своею усталостью, обращается к Богу Утешителю и знает, что Он слышит каждое слово и дает ответ.

Тут мы чувствуем, что это значит : Бог утешает.

Человек часто ощущает Бога всемогущим, страшным и грозным. Но близок Он нам Своею любовью, как мать ребенку, возникшему из ее крови, обнимающему ее своими рученками, которому ей хочется давать, только давать и самой превратиться в один теплый поток самоотдачи. Об этом любящем Боге в Священном Писании стоит замечательное изречение : „ Я хочу утешить вас, как мать свое дитя ”. Бог хочет быть для

*) Перевел на русский язык А. Флота.

нас любовью все понимающей, сочувствующей, себя отдающей.

Человек часто ощущает Бога как высокую и строгую требовательность, как святую непреклонность. Но Он обращен к нам с большей сердечностью, чем самый любящий человек к другому, наиболее им любимому, заключенному в самой глубине его сердца и составляющему средоточие всей его неусыпной заботы. К предмету Своей любви Бог обращен с неиссякаемым, вечно новым, вечно творческим доверием: „ Ты существуешь ! Ты можешь ! И Я даю тебе все, чтобы ты стал тем, что Я в тебя вложил ”.

Человек часто ощущает Бога далеким, нереальным. И это хуже всего. В мощи и грозности есть величие. В непреклонной требовательности есть сила. Но если у нас Бог расплывается в бессущность, то можно притти в отчаяние ! Подумать только : все нас окружающее, дома и деревья, люди и события становятся настолько реальными, что давят на нас со всех сторон, — а Он превращается в голую теорию, в отвлеченное понятие, в пустой звук, в мимолетное настроение... Но Бог-то реален ! И каким близким может ощущать Его сердце ! Каким несомненным в Его будящей и охраняющей реальности !

Вот почему Бог может утешать.

Что такое утешение ? Как оно происходит ?

Конечно, — не рассудком и не по расчету. Уговоры и доводы не утешают, они не согревают. Человек остается тут один со своим горем. Это до него не доходит. Ничего это ему не дает. Утешение есть нечто живое; некая близость, некое творчество, некое начало и обновление. Чтобы утешать, нужно любить, быть открытым и самому перейти в другого, так, чтобы проникнуть в самую его глубину. Нужно быть зрячим, нужно обладать свободно чувствующим сердцем, способным со спокойной уверенностью находить пути жизни и определять те места, которые ранены или засохли. Нужно иметь тонкость и силу проникать в эти места, достигать до живой сердцевины, до глубоких источников жизни. Утомление — там, и с этими источниками должна соединиться утешающая сердечная сила. Им она должна дать простор, вывести их из самозамыкания, чтобы они могли снова потечь и прокладывать себе путь через внутреннюю засоренность и опустошенность. Вот что такое утешение. Оно пробуждает, возрождает и творит. Оно — и дар, и вместе с тем призыв к другому стать в лучшем смысле слова самим собой. Оно действительно прони-

кает внутрь, но этим самым и освобождает. Оно расправляет, поддерживает, расширяет, но так, что другой сам выпрямляется своей наиболее подлинной силой и начинает заново.

Утешение получает тот, кто был ранен и благодаря любящему его почувствовал свою внутреннюю жизненную силу настолько пробужденной, что она может изнутри залечить его рану... Получает тот, кто засыхал и благодаря любящему его сумел расковать поток своей внутренней жизни, снова все орошающей... Тот получает утешение, кто потерял драгоценность, увидел свое дело разрушенным, свои надежды разбитыми, — но любящий его сумел связаться с тем, что глубже всякого отдельного обладания и всякого дела, — с самой его творческой волей, и пробудил эту волю к новому творчеству. Это — связь с самым внутренне сокровенным, с тем, что совершенно неизменно и не зависит ни от каких потерь : с сердечной силой, укорененною в вечности, которая признает потери — признает их во времени, — но умеет отвоевать их назад безвременной верностью, опирающейся на Бога... Тот получает утешение, кто запятнал свое сердце, — но любящий его смог дотронуться до той чистоты, которая оставалась живой под толстой корой вины, и вызвал из нее обновленную уверенность в возможном преодолении всякого уродства. Тот получает утешение, кто стал виновным и не видел выхода для своей удрученной совести, — но любящий его сумел, без всякой напрасной снисходительности, рассеять этот самообман, ободрить внутреннее знание, высвободить и укрепить волю, показать пути и возможности... Утешение тот получает, кому любящий его умеет размягчить затвердевшее, освобождаящим теплым вниманием отогреть застывшее, дать новое направление заблудившимся чувствам...

Человеческая любовь может утешать, когда она действительно чиста и бескорытна. Но она скоро останавливается у своих пределов. Она — не Бог.

Христос послал нам Того, Кто в Боге составляет „ близость ” между Отцом и Сыном : Святого Духа. Святой Дух это — сама святая внутренняя Жизнь Божества. Есть одно таинственное изречение любви, которое именуется Его „ свястью ” и „ поцелуем ”. В Нем Бог пришел к нам как Утешитель.

Святой Дух это — Близость. Близость с большой буквы, — святая Близость. Близость с Самим Собой Того, Кто неприступен. Сама внутренняя жизнь Того, к Кому внутрь нет

доступа. Он — Святость источающая Любовь. Он „ исследует глубины Божества ”.

Он к нам пришел, чтобы быть в нас, — чтобы мы им научались, — чтобы у нас были знание, одаренность и сила произносить имя Иисуса Христа, молиться и исповедывать.

Он пришел к нам, в нас, чтобы мы Им обновились и возродились бы из Него. Корни нашей жизни — в Его руке. Он — Создатель, творящий из свободной полноты чистой любви. Поэтому Он умеет утешать.

В самом деле, безутешность наша безмерна, ее глубокая горечь неисчерпаема и многообразна как само существование, отпавшее от сердца Божия. Безутешность нужды, которая ранит и изматывает; безутешность тесноты, удручающей взор и не дающей вздохнуть, безутешность тоски, подрывающей силы, безутешность боли, которой никто не смягчит, вины, которая терзает, слабости для которой нет подъема... Безутешность пустоты, когда сердце не знает ни радости, ни боли, когда ничто ему не говорит ничего, дни тянутся без содержания, все происходящее лишается всякого смысла, — а человек при этом знает, как прекрасно было бы любить, но любить не может и „ душа его жаждет, точно странствуя по пустынной, бездорожной и безводной земле ”... Какая сила может противостоять этой силе ?

Послушаем : „ Пошли Духа Твоего, и все будет создано заново, и Тыновишь лицо земли ”. Знаем ли мы, что это так и есть, — что Он может притти как легкое дуновение, что Он „ дышит где хочет, и никто не скажет, откуда Он приходит и куда идет ” ? Что едва только Он прикоснется к душе, как все станет иным, — прежняя действительность остается и тем не менее все рождается заново ? Чувствуем ли мы теперь, что у каждого из нас есть сердце и что каждому из нас тоже дано любить, наполнять все вещи тонким и святым содержанием и сознавать : Да, во всем есть нечто хорошее и есть смысл — божественный смысл — существовать и не сдаваться ?

Когда это происходит с человеком — а Господь нам это обетовал, когда обещал нам Утешителя, — тогда человек постигает, что такое утешение.

В песнопении есть одно выражение, содержащее тончайшую тайну этого утешения. После всех тихих призывов к Отцу скорбящих, Источнику всех даров, Он тут именуется еще „ Светом сердец ”.

Тут — сокровенная святыня, ожидающая, чтобы человек изнутри научился понимать чудо этого Света.

Что существует свет воспринимаемый глазами, мы понимаем, или по меньшей мере думаем, что понимаем : тот свет, который исходит от солнца, или от зажженной свечи. Мы еще понимаем более или менее, когда речь идет о свете, просвещающем ум, — нам, ведь, случается его ощущать, каждый раз, когда нам вдруг что нибудь „ становится ясным ”, — но „ свет сердечный ” ? Тут — великая тайна : речь идет о свете, являющемся там, где средоточие живого чувства, — о том, что близость и сущность любимого начинает светиться и сердце со своею любовью перестает быть слепым и становится зрячим — поистине зрячим, только теперь, и так, что только оно по-настоящему видит с глубочайшей ясностью... Речь идет о том, что ясность ума и познания не остается холодной и не только отражает далекий свет, но становится горячей и целиком наполняется Близостью.

Вот оно — Божие утешение : указание пути через пустыню, — тепло, растапливающее то, что застыло и замерзло, — влага, утоляющая жажду бесконечной полноты — целительная сила, восстанавливающая здоровье, — вновь дарованная чистота и красота.

И вот еще что, притом самое важное : это песнопение, как будто рожденное из самой уединенной тишины, ничуть не теряет из виду повседневную жизнь со всеми ее тяготами, со всем ее шумом и нуждой. Тут только и есть настоящее утешение.

Утешение, о котором тут говорится, должно проникать во всю нашу повседневность. Среди работы должно сказаться некое Присутствие, дающее отдых, в жару среди тягот должно повеять освежающим дуновением, среди горя и печали должен сочиться источник утешения. Именно таким должно быть это утешение, чтобы оно не иссякало среди тяжких терзаний существования. Настолько живой должна быть эта жизнь, чтобы никакая превратность не могла ее задуть.

Это должно быть утешением от Бога Живого.

НОВОЕ НЕБО И НОВАЯ ЗЕМЛЯ

Мы уже говорили о таинственной жизни, которая вливается в человека из Божией любви, „ свыше ”, „ с неба ”, той жизни, которая ему даруется и вместе с тем глубочайшим образом ему самому принадлежит, так, что только в ней он становится тем, чем он по настоящему должен быть.

Как же обстоит дело со всем тем, что нас окружает ?

Только ли человеку предназначена эта таинственная новая жизнь ? А со всем тем, что есть в огромном и богатом мире, — с гордыми и благородно-прекрасными горными вершинами, с деревьями и с полнотой и загадочностью их тихой жизни, с красотой звезд, с безмерными силами мироздания, с бездонной вселенной, так глубоко и так мощно утверждающей свое бытие, — со всем этим как ? Все великое и драгоценное, что нас окружает, — все это выпадает из тайны даруемой нам божественной жизни ? Достигает ли эта жизнь только туда, куда достигает человек ?

Некоторым людям свойственно ощущение какого то глубокого ожидания в окружающей нас природе. Точно в ней не только вещи, которые можно взять и использовать, но и нечто большее. Сказки лепечут о повсеместной тайне, о повсеместной тоске и о чуде свершения.

Только ли это игра воображения ? Или этим угадывается нечто реальное ?

В Послании к римлянам Святой Апостол Павел говорит : „ Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих : потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне ” (8, 19 и д.). Удивительные слова. Словно они хотят сказать, что мир не закончен, не замкнут, что он ждет своего завершения, рвется к нему с мучительной силой, и что в этом мире есть нечто, стремящееся стать, подняться, но не способное сделать это собственными силами, а потому и зависящее от „ откровения славы детей Божиих ”.

Что это означает ?

Приходилось ли нам уже когда нибудь видеть, как настоящий ребенок обращается с вещами ? Все вещи вокруг него живут. Когда вещь попадает в поле зрения ребенка, в его сердце, в его руки, она приобретает сказочно свободную жизнь. Тут она означает нечто гораздо большее, чем для нас, взрослых. Она обладает совсем иной глубиной. Нечто скрытое выступает вперед и проявляется свободно. Тут вещи словно доверяют одна другой. Появляется некий образ, который иначе не был виден, и он-то и оказывается самым главным. Вещи говорят, они „ на ты ” между собою и с маленьким человечком, они оказываются совсем по-другому дружественными и привлекательными и сильными и опасными...

Потом ребенок становится старше и все это исчезает. Ребенок вырастет, станет разумным, будет пользоваться вещами, владеть и наслаждаться ими — тогда они лишатся той прежней свободной жизни. Они попадут в оковы, онемеют, станут тощими и однообразными. Лишь в некоторые мгновения тайна будет снова являться, поднявшись из глубин, — скажем, весной, когда все рвется к новой жизни, или в темную, что-то нашептывающую ночь. Но это только мгновенная волна, мимолетное дуновение, быстро исчезающее.

И бывает, что перед нами встают образы, личности, вокруг которых словно пробуждается нечто похожее, — но выше, по-ниому высоко, чище и святее. Святой Франциск Ассизский был, например, таким. В „ Венке цветов ” о нем рассказывается, как он созывал рыб и им проповедывал, как говорил птицам о славе Божией, как ему внимал волк в Губбио и послушался его увещающего слова; конечно, все это — легенды; но если вокруг действительно существовавшего человека можно сплести такие легенды, то это уже что-то означает. Это значит : самый этот Франциск Ассизский был таким человеком, вокруг которого вещи оказывались не такими, как у других людей. В его близости вещи приобретали новую сущность. Они освобождались от своей немоты, с них спадали оковы, увядшее в них расцветало, они становились прекрасными, свободными и благородными. И больше того : в них пробуждалось нечто совершенно новое. Не сказка, а чудо. Но „ чудо ” не в фантастическом смысле, а так, что вблизи с этим подлинным чадом Божиим и с его блаженной „ славой ”, его переполнявшей, в них — в вещи — проникало нечто со стороны, от Бога. И это было то самое, чего они ждали с тоскою и мукой, — то самое, что только может

наполнить их содержанием и сделать их вполне самими собой... Это и чувствовали люди; чтобы это выразить, они и сплетали вокруг Франциска такие легенды. То самое, что Апостол Павел имел в виду, здесь начинает осуществляться: „Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих”. В святом Франциске и вокруг него, эта слава детей Божиих начала являться. В его близости мир начал становиться блаженным. В его глазах, в его сердце, в его руках вещи начали становиться иными, чем обычно... Это — великая и многообещающая тайна.

Если мы теперь откроем последнюю книгу Священного Писания, Апокалипсис, книгу Тайного Откровения, то мы прочтем о притеснении, которое претерпевает в мире святая жизнь, исходящая от Бога, и о борьбе, в которой она должна устоять; но прочтем и о славе, которая изольется от Бога на все творение. Весь Апокалипсис полон глубокой тайны любви Божией не только к человеку, но и ко всем вещам.

Понимать это нужно во всей чистоте. То, что Бог любит также и вещи, принадлежит к самой сердцевине христианской веры. Солнце, звезды, деревья, все вещи ограниченные в пространстве и во времени, всех их, немых и, в отличие от нас, не имеющих души, — их всех Бог любит, и любит их в особенности.

Если только обратить внимание на те места Священного Писания, в которых это просвечивает, то видишь, до чего они прекрасны. В начале Ветхого Завета, там где говорится о сотворении мира Богом, сказано: „И Он увидел, что все хорошо”. Тут любовь Божия улыбается красоте Его созданий. Но и защита Его мира содержится в этом изречении. Когда оно писалось, были люди, утверждавшие, что мир плох, потому что происходит от злого начала, — он, будто бы, сотворен злою силою. И тут священный текст говорит: нет, — то, что создано Богом, хорошо. Перелистываем дальше священную книгу. Речь идет о грехе, о порче и страдании, проникших через грех в мир и в вещи, об обмане и соблазне, которые теперь в них оказались. Но никогда мир не признается потерянным. Бог всегда сохраняет его в Своей руке. Этот мир — Его мир. Несмотря на все опустошения, на нем остается Божия печать, образ Божий остается запечатленным в порядке мироздания, в бесчисленных формах, вещах и событиях, и стоит

только приблизиться к ним с благочестивым и просветленным сердцем, как они заговорят о своем Создателе. Благостным взором смотрит на них Христос. Цветы и птицы, поля и виноградники оживают в Его притчах. Он нам открыл, что в развитии мировых судеб свершается великая тайна Промысла Отца, что вещи служат при этом сосудами и орудиями, вестниками и указаниями детям Божиим. Из вещей этого мира, из крещальной воды, из хлеба и вина Тайной Вечери, Он извел источники вечной жизни... Апостол Павел говорит, что в видимом существовании вещей можно узреть бытие и действие Невидимого Бога; и посредством глубоких образов он возвещает тайну мира, ожидающего своего возрождения и по нем тоскующего. Все это — знаки, знаки того, что Бог ценит вещи, что Он любит их, очень любит... А потом эта тайна освещается ярким светом в последней книге Священного Писания, в Апокалипсисе. Там слава любви Божией потоком течет через все вещи. Глубже всего это выражено изумительным изречением о „новом небе и новой земле”. Тогда потонет всякая боль, всякое Утеснение и всякая злоба, — все „что было раньше” и произошло от греха. Все станет свободным. Все раскроется. Все преобразится.

Воскресение Господа — и то, что перед этим произошло на горе Преображения, — показывает нам раскаленную божественную сердцевину этого превращения. Тело Господа преобразилось, как выражение внутренней славы. Но преобразенный Господь продолжает жить. И продолжает действовать. Он вовлекает мир в Себя. Его цель — превратить мир в одну великую тайну Своей таинственной преобразенной жизни, — не только людей, но и всякую тварь, чтобы „под Ним как Главою соединилось все, что есть на небе и на земле и под землею”. Все творение составляет единство, действительно пронизанное мощью Его богочеловеческой жизни. Все становится жизнью! Все — светом! Все — одной единой красотой любви!

Как говорит об этом Апокалипсис! Видения встают одно за другим. Хоры величественных образов, облеченных в белые одежды с золотыми венцами, низко склоненных в молитве... Необозримые воинства, воспевающие хвалу, и пение их подобно громовому шуму могучих вод... Воздетые золотые светильники, пылающие перед зысоким Престолом. Престол же воздвигнут из золота, хрусталя и изумрудов... Небесный

град, со стенами из драгоценных камней, с воротами вырезанными каждая из одной жемчужины, с золотыми улицами, где золото чисто как прозрачное стекло, — преизбыток славы, стремящейся выразиться в неопикуемых образах. В этом граде не нужно светильников, потому что его светильник — Агнец Божий, и Божий свет озаряет его насквозь. Пища в нем — плоды древа вечной жизни, вырастающие из сверкающего потока... Все это — образы, сравнения, дающие почувствовать ту красоту, которая должна воссиять из всякой твари, преображенной силою Божией, когда слава детей Божиих станет явной. В этой красоте — восторг Самого Бога, и ее предвещают таинственные слова, говорящие о нисхождении святого Града и о том, как Невеста идет навстречу Агнцу.

Иногда, под вечер, после очень ясного дня, наступает час, когда воздух становится совсем чистым и все вещи кажутся прозрачными. Всюду тогда разлита нежная и мощная красота. Она — отблеск грядущих „нового неба и новой земли“. Она осеняет все как провозвестница преображения.

Еще это только обетование. Но Божий свет сердечный прорвется, — тот свет, который есть жизненная ясность и любовь. Он прорвется из всех вещей и все они засияют. И мы тогда увидим воочию, что значат эти слова: Бог любит Свое творение.

Добавление

СВЕТ СЕРДЕЧНЫЙ

Ниже мы разбираем то же самое церковное песнопение, которое уже рассматривалось нами под заголовком „Бог утешает“. Но тут мы это делаем под другим углом зрения; поэтому думается, что можно предложить вниманию читателя некоторые неизбежные повторения, поместив это рассуждение в качестве добавления.

За литургией в праздник Пятидесятницы, между чтением Апостола и Евангелия, в Западной Церкви поется древнее песнопение. Прекрасное и тихое, оно не содержит никаких необычайных утверждений, мысль в нем течет спокойно и глубоко. В нем нет сильных подъемов чувства, есть только тихое волнообразное движение, плавность, напоминающая спокойное биение сердца. Все протекает внутри, но это внутреннее пространство бесконечно просторно: это — сердце человеческое, живущее Богом.

Снизойди, о Дух Святой,
 И сошли нам в мир с небес
 Яркий блеск Твоих лучей!

В нашем существовании действуют, пронизывая его, многие тайны, оно поддерживается многими силами. Одна из них — свет; и за это — слава Богу!

Свет бывает разный. Существует свет, исходящий от тел, например, от солнца или от всякого горящего предмета. Его мы воспринимаем глазами и он нам освещает путь или светит нам при работе... Существует свет ума, возникающий, когда смысл чего-либо нам становится ясным. Если нечто, прежде казавшееся темным, становится нам понятным в своих причинах и в своей сути, то мы говорим:

„ Меня озарило ”. Этот свет позволяет нам видеть истину и дает нам власть над действительностью... Существует свет красоты. Когда мы смотрим на могучее дерево, или на просторный разнообразный пейзаж, или на высокое произведение искусства, то бывает, что у нас внутри вдруг становится светло : красота засияла. Она — драгоценное и мощное чудо, провозвестница вечного совершенства.

А тут нам говорится, что существует еще и другой свет. Он проникает внутрь человека, в человеческий дух, и приходит он оттуда, где Бог. Этот свет — святой свет. „ Святой ” означает не только „ хороший ” или „ чистый ”. Святость есть дуновение самой сущности Всеблаженного Бога. Она ужасает и вместе с тем она нам дорога, — несказанно чужда нам и вместе с тем — близкая и родная. Оттуда и приходит этот свет, проникающий в самую глубину нашего существа.

Приносит же этот свет Святой Дух.

Далее, вот как Святой Дух именуется :

Ты Отец всех кто в нужде,
Ты Податель всех даров,
Светом будь для всех сердец !

В мире, каков он есть, у тех, кто в нужде, нет отца. Человек, каков он есть не весьма заботится о бедных. Скажем — заботятся некоторые, особо к тому предрасположенные ; может быть даже, каждому приходится иной раз этим заняться на некоторое время, — но не слишком долго и не слишком много... О том, что у нуждающихся есть отец, мы могли узнать только по откровению. Это — всеобильный Бог, вечная любовь, Святой Дух.

В нужде тот, кому не достает необходимого для жизни, тот, кто беспомощен и покинут. Также и тот в нужде, кто как будто обладает многим, но у кого сердце бессильно. Нужда означает не только отсутствие чего-то, что надо бы иметь, она может означать также внутреннюю невозможность обладать тем, что внешне нам принадлежит. Может означать внутреннюю пустоту, где нет ни радости, ни боли, и никакого смысла ни в чем. Такая нужда тоже горька. Но Святой Дух — Отец бедных и Податель даров. Он может, когда Ему угодно, подать все необходимое для внешней жизни — может сделать и так, что внутренняя пустыня зацветет.

Это и означает, что Он освещает сердца. Драгоценен этот свет, при котором проясняется сердце со всей своей бедственной смутностью и отогревается дух, остававшийся бесплодным даже при ясном сознании. Этот свет — самый таинственный из всех. Он возникает из сердца Божия и его лучи проникают в самые корни нашей жизни.

Приди, Сокровенный, Обитающий внутри нас, Отвечающий глубочайшим запросам, заложенным в нашу кровь и в наш дух !

Утешитель лучший нам,
Милый гость души моей,
Сладость и отрада !

Бог есть Господь Близости. Вещи и люди могут становиться очень нам близкими, — но никогда не до самого конца. Какая то преграда всегда остается. А Он, Творец, „ во мне не нуждающийся ”, он мне — не „ посторонний ”, но именно Бог. Он — Близкий по существу. Его рука — в моей жизни. То, что мне наиболее присуще, в Нем правднее, чем во мне самом.

Человеку приходится иногда это испытать. Вот он бедствовал, взывал при этом к Богу, и когда Господу стало угодно, Он прикоснулся к нутру человека. Тогда все изменилось. Все прояснилось, стало благим и утихло. Если тогда спросить „ А что же, собственно, изменилось ? ” — то человек, вернее всего, ответит : „ Бог у меня ”.

Средь тревог — Ты наш покой,
В знойный день — прохлада Ты,
Осушитель наших слез.

В каждой строке говорится одно и то же, но говорится по-разному. В них плещет волна внутренней жизни. Когда человек мучается своими заботами, близость Божия означает покой. Когда он горит страстями, Тот, Кто все знает, дает прохладу. Когда одолевает тоска или горе, Творец успокаивает. Бог всегда — то самое, в чем человек нуждается, и больше того.

*O Lux beatissima,
reple cordis intima
Tuorum fidelium.*

Словно из иного мира эти слова. Не знаешь, как их перевести. Их смысл выражается всей совокупностью — и порядком слов, и звучанием каждого слова.

Ты ведь всеблаженный Свет!
 О проникни вглубь сердец
 Всех кто верует в Тебя!

Должно быть, в Боге есть тайна, — тайна тождества ясности и внутренней сокровенности, силы и любви, творческой полноты и света. Как хорошо, что это так! Бывают люди, у которых ум ясен и воля определена, как светлый морозный день. В этом есть сила, но есть и холод. У других людей, напротив, есть теплота, но вместе с тем и путанность, или тупость, или ограниченность... Чувствуем мы тайну, о которой поется в этом песнопении? Как сердце светится и ясность становится раскаленной? И что любовь и истина — одно и то же, никакого имени уже не имеющее? Впрочем, нет: есть **одно** имя: Бог.

Без Твоих могучих сил
 Как в пустыне наша жизнь,
 Несвободна и грешна.

Зло всюду в человеке: в его делах, речах, настроениях. Оно сказывается из той внутренней глубины, до которой мы сами не можем достичь. Оно влияет на наши мечты и мысли, на наши желания и суждения, на наше отношение к вещам и к людям. Нет в нас ничего, что могло бы устоять перед Богом. Чистоту, которая перед Ним важна, Он Сам должен создать в нас. Тайною благодати, Он Сам должен дать нам участие в Своей собственной чистоте... А когда уж Бог примет нас в свою истину, тогда наша ценность будет отблеском.

И опять два трехстишия, во все новых оборотах речи выражающие все то же самое:

Освяти, очисти все,
 Все, что чахнет, оживи,
 Все раненья залечи!

Силу дай тому кто слаб,
 Дай замерзшему тепло
 И заблудшего наставь!

Все это о целительном действии Духа.

Запятненному сердцу, обращаемому к Нему с раскаянием, Бог может даровать новое чистое бытие... Когда внутри у человека все иссушено как поле без дождя, Бог может в нем расковать орошающие его ключи... Иногда там внутри все бывает истерзано, тоской или горем, или теми трещинами, которые образуются в самом существе и не поддаются воздействию никакого врача; всемогущий „перст Божий” и тут может помочь... Только Бог может вызволить то, что застыло или сжато судорогой, устранить отталкивания, яростное противление, ненависть, затвердевшую злобу, равнодушные, жесткость, холодность, немую нужду, с отчаянием чувствующую ужас своего состояния и все же неспособную вырваться из себя самой. Нет, мы не в силах вырваться из самих себя. Нужно, чтобы пришел Он, освобождающий Дух, и вывел бы нас — пленников у самих себя — на Божий простор! Нужно, чтобы Он растворил окаменелость, растопил лед... И только Он, обладающий всеми советами и знающий все пути, может рассеять внутренний туман, в котором мы не находим ни прохода, ни тропы. Он может вернуть нам возможность идти, сделать так, что снова мы будем видеть и цель, и дорогу.

Всем кто верует в Тебя,
 В милосердие Твое,
 Дай в награду семь даров!

Тут речь идет о семи святых духовных дарах: о страхе Божием, когда человек все время помнит о присутствии Божием; о разумении, познающем истину; о мудрости, постигающей смысл; о благоразумии, находящем верные пути; о справедливости, стремящейся к осуществлению правды; о силе, держащей и достигающей цели; о чувстве меры, умеющем благоговеть и придерживаться должных границ.

Везде одно и то же: сила Духа. Она дает разуму познание, душевной жизни глубину и творческую полноту, сердцу непоколебимую любовь. Эту силу да ниспошлет Он нам, чтобы наша жизнь могла начаться заново.

Добродетели возвысь,
 Доверши спасенье нам,
 Радость даруй вечную!

Да станет через Него добродетель настоящею ценностью.

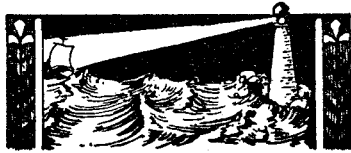
Само по себе, всякое человеческое делание ничтожно перед святыней. Нужно, чтобы Он Сам создал эту ценность. И Он посылает нам дар — делать добро и постигать в добре его священный смысл.

Да доведет Он спасение до благого конца. Тайна начала находится в Духе и в Нем же — тайна завершения. Да дарует Он твердость в несении нашей задачи, до „свершающего конца”.

Да дарует Он ту радость, которая вечна, по ту сторону всякого возникновения и исчезновения, радость, блаженно утвержденную в себе самой. Больше : „вечная” радость, это значит — такая, которая по качеству сама уже божественна.

Все это да будет скреплено вечно-непреложным „Аминь” Божией верности, в красоте свободы вечной жизни, которая сама становится вечным песнопением славы :

Аминь ! Аллилуия !

О Г Л А В Л Е Н И Е

В НАПУТСТВИЕ	3
ЛИК БОЖИЙ	6
ПРОМЫСЛ	12
БОГ ВИДИТ	17
ВОЛЯ БОЖИЯ	22
РАСКАЯНИЕ	27
СЕРДЦЕ И БОГ	32
ДОЛГОТЕРПЕНИЕ БОЖИЕ	36
КАК УЗНАЮТ О БОГЕ	44
ЦАРЬ ,ДЛЯ КОТОРОГО ВСЕ ЖИВО	52
БОГ УТЕШАЕТ	58
НОВОЕ НЕБО И НОВАЯ ЗЕМЛЯ	64
СВЕТ СЕРДЕЧНЫЙ	69